

Писательский клуб
«Альманах»

СЕМЕЙНАЯ САГА

Сборник. Книга II

Наталия Смирнова

Семейная сага. Сборник. Книга II

«Издательские решения»

Смирнова Н.

Семейная сага. Сборник. Книга II / Н. Смирнова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507980-0

В данной книге собраны работы участников марафона «Семейная сага»,
который проводился в Писательском клубе «Альманах» в соцсети Инстаграм.
Это сборник лучших семейных историй, написанных начинающими авторами.

ISBN 978-5-00-507980-0

© Смирнова Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	8
Глава 1	9
Глава 2	10
Глава 3	11
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	15
Глава 7	16
Глава 8	17
Глава 9	18
Глава 10	19
Глава 11	20
Глава 12	21
Эпилог	22
Краткое содержание	24
Пролог	25
Глава 1	26
Глава 2	27
Глава 3	28
Глава 4	29
Глава 5	30
Глава 6	31
Глава 7	32
Глава 8	33
Глава 9	34
Глава 10	35
Глава 11	36
Глава 12	37
Эпилог	38
Краткое содержание	40
Пролог	41
Глава 1	42
Глава 2	43
Глава 3	44
Глава 4	45
Глава 5	46
Глава 6	47
Глава 7	48
Глава 8	49
Глава 9	50
Глава 10	51
Глава 11	52
Глава 12	53
Эпилог	54
Краткое содержание	56
Пролог	57

Глава 1	58
Глава 2	60
Глава 3	62
Глава 4	64
Глава 5	66
Глава 6	68
Глава 7	70
Глава 8	72
Глава 9	74
Глава 10	76
Глава 11	78
Глава 12	80
Эпилог	82
Пролог	84
Глава 1	85
Глава 2	86
Глава 3	87
Глава 4	88
Глава 5	89
Глава 6	90
Глава 7	91
Глава 8	92
Глава 9	93
Глава 10	94
Глава 11	95
Глава 12	96
Эпилог	97
Пролог	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Семейная сага

Сборник. Книга II

Редактор Наталия Смирнова

Редактор Алия Латыпова

Корректор Сьюзи Литтл

Иллюстратор Анна Седова

© Анна Седова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-7980-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-7304-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие читатели!

Представляем Вам уникальный сборник «Семейная Сага».

Истории, рассказанные участниками писательского клуба «Альманах», это эпические повествования о жизни нескольких поколений одной семьи. Ярко, образно, смешивая жанры и стили, путешествуя по историческим эпохам, авторы смело погружают нас в глубины психологической драмы, самобытной комедии, фееричной фантасмагории, напряженного детектива.

В житейской суете, мы часто забываем о силе семейных уз, ценности духовной связи между поколениями, прочной и нерушимой

Клуб «Альманах» желает Вам приятного чтения. Берегите друг друга.

Участники литературного проекта «Семейная сага»! Поздравляем вас с публикацией Сборника, и сказать, что все Вы молодцы! Не побоялись препятствий, сложностей, большого объема работы. Вы неутомимо плели тонкие нити событий, развивали сюжетные линии, с любовью вели своих героев через трудности и испытания. # Во время проекта мы стали ещё ближе. Мы породнились. Наши семейные узы стали крепче.

Вы – настоящие писатели. Только люди с богатой фантазией, открытым сердцем, талантом, широким кругозором, упорством и трудолюбием могут осилить такой масштабный проект в довольно сжатые сроки.

Гордимся Вами, благодарим за доверие к клубу, выражаем свое восхищение и ждем новых историй от мастеров пера.

С любовью Ваш Писательский Клуб «Альманах» и его авторы:

Смирнова Наталия

Латыпова Алия.

Бондарук Алёна
Вместе вопреки.

Пролог

В субботнее утро (без будильника! – это важно для многих жителей мегаполисов) раздался звонок. Ольга, еще в полузабытьи, нервно схватила телефон:

– Ало!

– Оль, хэлоу! Ты как-то говорила, что к психологу на прием хочешь попасть. Не передумала?

– Да хотела. А ты что хочешь так рано от меня?

– У меня в 12 встреча с Анной Николаевной, а я уезжаю сегодня: Митька билеты подарил в Италию. Сходи за меня, я с ней уже договорилась.

– Спасибо. Схожу, конечно. Кинь мне адрес.

– Договорились.

В 12.00 встреча состоялась.

Ольга – довольно успешная девушка, снимает квартиру, работает в рекламном агенстве. А вот в личной жизни – перекосы. То идиот попадет, то эгоист, то враль безбожный, то женатик. Еще ко всему этому несчастью добавляется начинающаяся депрессия: семьи нет, детей нет, среди близких только подруги, у которых, черт побери, есть и мужья, и даже дети. Ну почти у всех.

Анна Николаевна, внимательно выслушав и произведя какие-то странные манипуляции (РПТ называются, что ли), сказала Ольге, что обязательно нужно наладить связь с близкими. А близкие – это мама и бабушка. Но близкие только по паспорту и крови в венах. Что касается общения, то если с матерью хоть и натянутое, но общение раз в неделю происходило. А вот бабушка – стерва та еще: что ни разговор, то ссора и посыл их обеих далеко и надолго. Ольга уже лет 10 как с ней не общалась: после переезда мамы связь разладилась. Да и видела она свою бабку, Наталью Петровну, не так часто даже в детстве. Вечные ссоры с матерью не выдерживали даже соседи, молотящие в двери с мольбой заткнуться.

Чувствовала Ольга, что сделать попытку наладить отношения нужно. Хотя бы ради себя: человек силен, если знает историю рода и есть связь с близкими. Хардкор предстоял тот еще, но настроена она была решительно. Отпуск дали скрепя зубами. Ольга решила. Что начнет с самой труднодоступной точки ее Эвереста – с бабушки.

Глава 1

Поезд мерно отстукивал свою незамысловатую мелодию. Ночь прошла мимо Ольги: миллион вопросов без единого ответа, килограммы сомнений и огромное желание вернуться. Ну что она скажет своей бабке с крутым нравом, не церемонящейся ни с кем, даже с родной дочерью? Но попытаться нужно: Ольга не из тех, кто отступает, она доводит начатое до конца, если это возможно сделать. Ведь на свете их трое, три кровинки... Деда и отца она не видела и не знала. Если по первого говорилось, что его нет, то второй внезапно исчез из их жизни, переехав в другой город к другой женщине. Связь была потеряна и никто не собирался ее восстанавливать. Мысли текли под легкое грустное покачивание. Маму жалко, но как ей помочь? После ухода отца она глубоко погрузилась в депрессию. Ничто не радовало ее: ни успехи дочери, ни ее помощь, ни обставленная новой мебелью квартира, ни забота Ольги. Мир был сер и тускл. От него и сбежала ее дочь, закончив школу, в Москву с подругой. И надежды вытащить ее из этого состояния у Оли не было. Она не знала, как помочь самому родному человеку. А теперь еще эта пугающая встреча с бабушкой...

С такими мыслями встретил ее волгоградский вокзал, объятый молочно-розовым туманом майского утра. Привет, город на Волге! На такси до нужного адреса, который дала мать, не задав ни одного вопроса, она доехала минут за десять. Странно! Табличка с номером дома красовалась на конусовидной многоэтажной башне синего цвета, построенного не так давно. Брови Ольги поползли медленно вверх... Да ладно... Быть того не может: из детства она помнила неказистый зеленый домишко из дерева. Может, это ошибка? Скорее всего.

Глава 2

Домофон молча открылся. В дверях стояла незнакомая женщина. Высокая, подтянутая, с легким макияжем. Рыжие волосы аккуратно уложены в каре – явно старался хороший мастер. Оценивающий прищуренный взгляд хитрых и умных глаз.

– Ну и ну! Кто ко мне пожаловал! – с явной издевкой произнесла она.

– Тебя, бабушка, не узнать. Да и бабушкой сложно назвать. Прекрасно выглядишь!

– О тебе не могу сказать того же, извини, внучка. Проходи, раз уж приехала.

Ольга быстро рассмотрела квартиру, светлую, чистую, с современной мебелью. Ничего лишнего и очень уютно, свежо. Наталья Петровна махнула ей рукой, приглашая следовать за ней на кухню, где стоял уже готовый завтрак: кофе, вареные яйца, нарезанный авокадо и половинки грейпфрута.

– Тебя мама предупредила, что я приеду?

– Нет, кот в сапогах, – съязвили в ответ.

– Полагаю, ты не рада меня видеть...

– Суди сама: столько лет я не нужна была, а тут теперь понадобилась. Тебе не странно? А вообще давай позавтракаем, как люди, а потом уже расскажешь, на кой черт я тебе понадобилась.

– Я познакомиться приехала. Вот и все.

Завтракали в полной тишине. Обе женщины думали о своем: одна о том, как дальше разговаривать; другая мечтала, чтобы гостя поскорее убралась восвояси.

– А знаешь что... – прервала тяжелое молчание Наталья Петровна. – Давай мы съездим по делам моим, пройдемся в парке и за чашечкой кофе поговорим. Сойдет? Тебе час на сборы. В ванной найдешь полотенце и халат. Если еще что нужно, спроси заранее.

– Спасибо. Тогда пойду собираться.

Ольге было невыносимо тяжело. Она здесь чужая. Душ был спасением: никто не видел ее слез от безысходности и ужаса происходящего. Было принято решение уехать к матери сегодня же. Видимо, идея найти здесь близкого и любящего человека обречена на провал.

Глава 3

Ольга стояла перед зеркалом, смотрела в свои зеленые глаза, как у бабушки, мысленно разговаривая с собой:

– Нееееет! Так не пойдет. Пока не узнаю правду их отношений, не уеду. Не получится у тебя, бабушка. Ты меня плохо знаешь. Распустила я нюни, дура.

Через час они вышли из дома. Наталья Петровна прекрасно водила машину: спокойно, уверенно, без лишних телодвижений машиной. Как оказалось, она владела небольшой сетью кондитерских «Хочу еще!».

Приехав в одну из кондитерских, они заказали кофе с волгоградскими круассанами.

Минуту смотрели друг на друга молча, ожидая, кто же первой начнет разговор. Бабушка с ее ровной осанкой и поднятой головой выглядела королевой. И была хозяйкой положения. Ольга, обратив на это внимание, скопировала ее позу, глядя в такие же глаза.

– Да, именно... Психологию ты знаешь, девочка, – тонко подметила Наталья Петровна, улыбаясь своей обворожительной улыбкой (умела, когда хотела).

Ольга безмолвно ее рассматривала.

– Полагаю, у тебя один единственный вопрос: что не так с нами, с твоей матерью и мной...

– Если знаешь, тогда поведай. Да, я приехала за этим. В моей жизни есть только два близких человека: ты и мама, и я очень хочу понять, почему мы не общаемся, откуда холод в отношениях?

– А у мамы ты спрашивала?

– Да. Она не хочет про это говорить.

– А если и я не захочу, что тогда?

– Тогда я не уеду, пока не узнаю.

– Под дверью ночевать будешь?

– Да, если понадобится.

– Упрямая. Утром я о тебе была другого мнения...

Разговор прервал звонок управляющего. Пришлось поехать с бабушкой по вопросам закупок.

«Что ж, будем знакомиться ближе, Наталья Петровна», – подумала Ольга, садясь в машину.

Глава 4

Домой Ольга и Наталья Петровна вернулись уже вечером. Поговорить им так и не удалось: пришлось срочно решать вопросы с закупками и искать других поставщиков: прежние не справлялись со сроками и качеством поставляемой продукции. Наталья Петровна была требовательна, как и во всем: есть обязательства – будь добр исполнять как надо. Ее уважали в коммерческой среде за умение найти контакт с людьми любого социального ранга (поговаривали, что за ней сам мэр какое-то время волочился), за жесткость не чрезмерную, а правильную, а порой и побаивались ее крутого нрава и старались не подставлять ее. Последние про это не знали, поэтому потеряли постоянного клиента не только в лице бабушки, но и ее конкурентов.

– Ну что, время разговора настало? – как-то горько усмехнувшись, спросила Наталья Петровна.

– Да. Но прежде чем начать, хочу сказать, что горжусь тобой... Может, я чай сделаю?

– Да, пожалуйста. Не откажусь, я устала.

Приятный запах апельсина с корицей поплыл по светлой кухне, легкая горчинка имбиря согревала изнутри, и горячий солнечный чай как никогда был кстати: он располагал к разговору.

– Бабушка, почему вы не общаетесь? Что произошло между вами? Почему мама так категорически не хочет рассказывать?

Одинаковые зеленые глаза встретились.

– Оля, я жизнь испортила матери твоей. Всего-то! – куда-то в открытое окно сказала не своим голосом Наталья Петровна.

– Мама про это не говорила, вообще избегает этой темы...

Наталья Петровна закурила. Сигарета дрожала в ее руках, будто по белой трубочке пробегал озноб.

– Маша была очень талантливым ребенком: с 4 лет она занималась балетом. Но что такое балет? Это не профессия, как я тогда думала. Это грация, фигура, осанка, дисциплина и все. Что потом? Карьера быстро закончится, а потом работать учителем всю жизнь? Я не так представляла жизнь своей дочери. Когда она захотела связать свою жизнь с балетом, я ей не дала. Заставила поступить на юридический. Я сломала ее. Она пыталась уехать: на вокзале я ее развернула обратно. Она была для меня всем, и допустить, что моя дочь дочь может жить без меня я тогда не могла... И в ней как-то стала угасать жизнь: она перестала быть любопытной, стала безвольной. Куда скажу, тогда и пойдет. И замуж вышла по моей указке.

Вторая сигарета. Свет не зажжен. Чай остыл.

– Потом она родила тебя. А твой папаша вас бросил: ушел к ее лучшей подруге. Классика жанра, черт возьми! И она ушла. Уехала. Написала, что уехала к отцу в Саранск.

– И ты не поехала за ней?

– Нет. Это было бессмысленно. Я все знала от твоего деда, пока он не умер. Переезд Маши нас немного сдружил. Если ты не знаешь, то он тоже от нас ушел в другую семью. Видишь, как все повторяется? Я не решила свои проблемы, ушла в обиды. Потом у Маши то же самое... И она попала в черный капкан депрессии. После смерти деда связь оборвалась. Маша не хотела со мной общаться.

– А ты пробовала?

– Конечно. Я приезжала, и не раз. Она закрылась. Я поняла свою вину, просила прощения, но все без толку. Она и сейчас не хочет со мной общаться. Я рада, что ты здесь.

Ольга видела, как по щекам бабушки катятся прозрачные соленые бусинки, но она не испытывала к ней жалости. Где-то в коридоре слышалась музыка – звонил телефон. Давно звонил. Только сейчас Ольга молча пошла ответить.

– Да?

– Добрый вечер. Мария Дмитриевна Рыбакова кем вам приходится?

– Мама...

– Мария Дмитриевна лежит в реанимации. Просим вас приехать как можно быстрее.

И документы с собой захватите: паспорт и полис.

– Что случилось?

– Авария. Приезжайте.

Глава 5

За бортом самолета светлая весенняя ночь. Ольга посмотрела на сидевшую рядом бабушку: лицо осунулось; бледная и тихая, она смотрела в темноту иллюминатора. Теперь Ольга смотрела на нее иначе: нет, она не монстр... Она одинока, очень. Да, все ошибаются, но не все готовы понять свои ошибки и принять их. Да, не все...

Ольга вспомнила, как перед выходом из бабушкиной квартиры, она увидела в комнате бабушки свои детские рисунки и огромный фотопортрет мамы и ее... Удивительно, как за такой, казалось бы, стальной леди прячется чувствительная и страдающая душа. Сердце Ольги утонуло в жалости и новой любви к новому человеку, близкому и родному. И там, в Саранске, ждет ее мама... Господи, только бы она жила!!!

Саранск встретил их ярким солнцем и чуть прохладным свежим утром. Две женщины на такси заехали на Гагарина, забрали документы и помчались в больницу. Их встретила невысокая хрупкая медсестричка с глазами Мальвины. Приняв документы, она проводила их в палату интенсивной терапии. Их предупредили, что Мария Дмитриевна без сознания.

Вся в капельницах, со шрамом на лбу, мама Ольги лежала под белыми простынями, далекая и близкая одновременно. Ольга не могла сдержать слез: ну как же так? Наталья Петровна стояла позади, рассматривая дочь, молясь всем Богам и Ангелам о спасении ее ребенка.

– Вас хотел видеть доктор, – прошептала медсестра Наталья Петровне.

– Сейчас?

– Да, он пока свободен.

– Пойдемте.

Оставив Ольгу с матерью, медсестра и бабушка неслышно вышли из палаты. Кабинет доктора был недалеко. Наталья Петровна открыла дверь и обомлела:

– Ты?!

Глава 6

«Она бежит. Холод сменяется жарой и наоборот. Жуткий страх заставляет бежать без оглядки. За ней гонится кто-то. Оглянуться нет сил: она знает, что если обернется, то нагонят – и смерть. А она не хочет умирать, не хочет!!! Бежать по камням больно. Обуви нет. Задыхается.

Впереди где-то вода. Где она? Бежит в направлении шума. Скорей бы!!! Ручей, чистый, прозрачный, легкий. Ложится на прохладную землю, жадно пьет: силы восстанавливаются, но нужно спешить – иначе догонят. Бежит. Где-то большая вода.

Вокруг степь. Ни деревца. Они догоняют. Она на краю пропасти. Внизу клокочет море, сердитые волны бьются о скалу, обещая мгновенную смерть. Застыла. Что дальше? Они поймают. Кто они такие? Зачем она им? Они зло – чувствует кожей. Выход один – вниз. Но умирать не хочется, так хочется жить! Боже, помоги!!! Я еще нужна тебе!

Оступилась, руками удержалась на краю. Внизу страшная пропасть. Это конец. Вдруг кто-то невидимый схватил за руку...»

Ольга сидела около матери, не отрывая от нее глаз, держала ее безжизненные руки в своих. Вернуть бы все годы непонимания, подарить ей море любви и ласки.

Вдруг рука матери пошевелилась, она открыла глаза.

– Оля... – тихо прошептал родной голос, – пить... Мне снился страшный сон. Я так рада тебя видеть...

Ольга плакала от счастья, стоя на коленях, целуя руки матери и понимая, что все будет теперь хорошо.

Глава 7

- Ты?! – повторила Наталья Петровна, глядя прямо в глаза доктору.
- Не ожидали меня увидеть?
- Не горела и не горю желанием. Какого черта ты лечишь мою дочь? Совсем совести нет?
- Не я ее толкнул в эту аварию. Так уж случилось. И стараюсь я сделать все, что в моих силах.
- Что ты в этом городе делаешь? Насколько я помню, ты благополучно бросил беременную Машу и ушел к этой своей. Не буду называть – не достойна.
- Марина умерла. Через год. Я нашел Машу с Олей, жил здесь все это время, наблюдал за ними со стороны. Маша знает. К дочери она не пускала меня, что ж, я заслужил и не жалею. Давно смирился. Знаю, что Оля здесь. И вам рад.
- Что ни день, то приключения... Я не могу сказать, что рада видеть тебя здесь. И не знаю, как отреагирует Ольга. Разберетесь. Скажи, какие прогнозы насчет Маши?
- Она в коме. Организм сильный, должна выкарабкаться. Ждем.
- Спасибо.
- В кабинет влетела медсестра.
- Иван Андреич, Рыбакова очнулась!
- Белый халат взметнулся и был таков. Наталья Петровна побежала за ним.

Глава 8

– И что теперь делать будешь? – спросил седовласый мужчина, сидевший напротив доктора Рыбакова в уютном кафе. Приглушенный свет, вечер, тихие голоса вокруг способствовали искреннему разговору двух давних друзей.

– Как всегда: буду рядом. Миссия у меня такая, наверное, предал – теперь расплачиваюсь. Знаешь, меня это не угнетает нисколько.

– А дочь? Как с ней? Она знает, что ты отец?

– Нет. Пусть Маша выкарабкается, потом скажем. Она на меня похожа, знаешь. Как жаль, что я не принимал участия в ее жизни.

– Ты же мог, зачем слушал ее запреты?

– Я считал, что не имел права.

– Высокие отношения у вас... Ну а теща что?

– Вот кто удивляет, так это она. Мы подружились немного. Жаль, что я не знал ее раньше, не знал, какая она. К таким людям нужно прислушиваться. Она кладезь мудрости и цинизма, искрометного юмора с мгновенным считыванием человека.

– Попал ты, Вань, в бабье царство... – хохотнул друг.

Иван Андреевич, действительно, общался с Натальей Петровной. Она не лезла в «семейные» отношения дочери и внучки, но ее природное любопытство и интуиция по отношению к интересным людям давали о себе знать. Теперь Иван был не тем юнцом, думающим головой снизу, а интересный и умный человек, который мог поддержать любую тему. Оказался он человеком искренним и ответственным, и еще с одним великолепным качеством, которое должно быть у достойного мужчины, по мнению Натальи Петровны, – чувство юмора.

Мария Дмитриевна поправлялась. Обещали ее выписать через неделю. Встреча с матерью произошла неожиданно. Ольга только что ушла. Открылась дверь, в нее вплыли разноцветные воздушные шары, равномерно всплывшие к потолку. Разноцветные ленточки повисли в воздухе, словно цветной дождь. Наталья Петровна, прикрыв лицо огромным букетом пионов, вошла в комнату.

– Мама?

– Я, доченька.

Они сидели на больничной кровати, обнявшись, долго. Наталья Петровна вытирала слезы со щек дочери.

– Мамочка, как же ты нужна мне! Прости мне мои обиды, мое молчание, мою сухость. Я знаю, что ты любишь. Я многое поняла, пока была на грани. Мне трудно это осознать, но сколько боли я причинила тебе и дочери...

– Знаю, милая, через что ты прошла.. Нам о многом следует поговорить и высказать все, что накопилось. Но сначала тебе нужно поправиться и выйти из этих мрачных стен.

Маша тихо улыбалась, чувствуя себя маленькой девочкой, которую любят просто так, ни за что, просто потому что она есть... Новое давно забытое чувство...

Глава 9

– Ольга Ивановна, нам нужно поговорить, – сказал Иван Андреевич, выходя из палаты Марии Дмитриевны, собиравшейся покинуть больницу в связи с полным выздоровлением. Уходя, он подмигнул Маше, смотревшей на него с улыбкой. Ольга пошла за ним.

– Что-то с мамой? – спросила она, закрывая за собой дверь.

– Нет, это личное. С позволения вашей мамы я должен признаться в одном ужасном поступке.

– Ооо, это прям из серии «Скандалы, интриги расследования», – рассмеялась Ольга.

– Ну не знаю. Судить вам. Я ваш отец...

– О как! И где вы были, батюшка, столько лет? – несколько озадаченным голосом спросила новоявленная дочь.

– Здесь был. Много про тебя знал. Но не подходил: не имел права.

– А сейчас имеешь? Не было тебя и не надо, если честно.

– Оля, я всегда готов к общению. Мое сердце открыто для тебя. Мои двери открыты. Если ты захочешь со мной пообщаться...

Ольга внимательно на него посмотрела и сказала:

– Спасибо за маму! До свидания.

И вышла за дверь.

Марию Дмитриевну забирали Ольга и Наталья Петровна. По дороге домой Ольге позвонили.

– Да?

– Ольга, добрый день. Это Вера. Михаил Николаевич просит вас выйти на работу досрочно.

– Я не могу, я в другом городе.

– В компании проблемы. И частично они из-за вас.

– Можно подробнее?

– Нет. Нужно ваше личное присутствие.

– Спасибо за информацию. Я свяжусь с Михаилом.

– Что случилось? – спросила бабушка.

– Пока не знаю, но что-то серьезное. Попросят приехать.

– Утро вечера мудренее. Никуда пока не нужно ехать. Завтра разберемся, а сегодня отмечать второй день рождения матери! К черту все проблемы – это всего лишь временные трудности, – подмигнула Наталья Петровна Ольге.

Глава 10

Женское трио прекрасно провело время в уютном ресторане, вкусно отобедав и отправившись потом домой, где всех троих ждал серьезный разговор. Каждая из них прекрасно осознавала свои ошибки, но и в то же время они понимали, что пришло время простить и начать новые отношения «мать-дочь-внучка». Все обиды были высказаны. Через боль пришло принятие друг друга, понимание каждой. Для Ольги это было важно. Она знала, что все ее старания были не зря.

Наталья Петровна уехала через неделю: свою кондитерскую она надолго не оставляла, потому что нельзя оставлять бизнес без контроля надолго. Да и Маше намного лучше. Ольга тоже собиралась обратно.

– Мам, ты же любишь шить. Давай откроем ателье? Я уйду с работы, или ты ко мне переедешь...

– Ну как же я уеду? И тебе мешать я не могу. И жить в твоей Москве где? Тебе нужно жизнь устраивать, доченька.

– Что-нибудь придумаем. У нас есть бабушка, она получше нас разбирается в этих делах.

– Я подумаю. Давай я тебе платье сошью? – глаза Марии Дмитриевны горели огоньком надежды, что дочь не откажет и она сможет заняться любимым делом.

– Очень хочу!!! Давай рисовать модель?

– Неси коробку из моей комнаты. Ту, что под кроватью.

Процесс рисования проходил весело: пол был усыпан бумажными снежками, споры и обсуждения разной тональности прерывался смехом. Ольге вдруг подумалось, что она помнит только один случай, когда им было так весело: в единственную их поездку на море. Там им было хорошо, как будто они были в другом мире или другой жизни. Она смотрела на мать и сердце заходило от счастья: «Моя мамочка, моя родная!». Платье было нарисовано: длина ниже колена, прямое, приталенное, четыре съемные бретельки, по две с каждой стороны, на спине перекрещивались. Решили шить из натурального сиреневого шелка: это любимый цвет и Маши, и Оли.

Утром Ольге нужно было уезжать. Условились, что через неделю она вернется. Проснувшись и приняв контрастный душ, она пошла будить мать. Постучала в дверь – тишина. Странно. Решила зайти. Мама лежала на полу, раскинув руки, и смотрела куда-то вдаль... Она была мертва.

Глава 11

Был солнечный теплый день. Повсюду цвела сирень, ее запах разносился по всему кладбищу, будто ветер специально распылял его, заставляя людей где-то в глубине души понимать, несмотря на горе, что жизнь продолжается. Что она везде, и даже в тех, кого уже вроде бы нет. А может это они, эти души, легким ветерком разносят его?

На скамейке около свежей могилы под тонким деревцем цветущей сирени сидела Наталья Петровна. Сидела и молчала, разглядывая цветы на могиле дочери.

– Что ж, доченька, ты ушла раньше меня? Не успели мы с тобой насладиться друг другом. Позволь мне отдать нерастрченную любовь Олюшке... – тихо говорила она. Вдруг прямо перед ней появилась бабочка-лимонница, села к ней на руку, замерла на пару секунд и улетела. Наталья Петровна улыбнулась тихой улыбкой порхающей неподалеку бабочке.

Мама Ольги давно была больна. Об этом знал ее бывший муж, отец Ольги. Он и был лечащим врачом все годы, которые жил в Саранске. Авария ухудшила состояние ее здоровья, ей нельзя было сильно волноваться. Но в последние дни эмоции зашкаливали: наконец-то они стали находить общий язык с мамой, начали налаживаться отношения с дочерью. От этого и без того слабое сердце не выдержало, хотя здесь был один большой плюс: умерла она счастливой, в любви и с любовью.

– Оля, я пришла, – громко сказала Наталья Петровна. Никто не ответил.

– Оля! Я здесь! – еще громче с беспокойством повторила она. Тишина. Не разуваясь, она кинулась в комнату внучки. Ольга спала. Она никак не могла оправиться от сильнейшего потрясения. В руках у нее лежал тот самый сиреневый шелк, из которого мама должна была шить платье. На полу лежали детские фотографии, где они везде вдвоем.

– Надо тебя забирать отсюда, девочка моя, – приговаривала бабушка, нежно глядя Олю по голове. – И не в Москву, а к себе. Научу тебя своему делу и передам совсем.

– Я не хочу ничего, – тихо сказала проснувшаяся Оля. – Мне в Москву нужно. Там проблемы.

– Тебя там подставили. Уволиться тебе надо.

– С чего ты взяла, что подставили?

– Оль, это же очевидно. Эта твоя коллега Ира уволилась, пока ты была в отпуске. И все свои проблемные компании оставила тебе. Ты же согласилась... И разгребать тебе теперь. Вот и думай, оно тебе нужно или нет. Поэтому давай-ка поедem ко мне...

– А это все? – спросила она про материну квартиру.

– Пусть стоит. Это будет местом твоей силы. Будешь приезжать сюда, ведь это твой дом.

– Я подумаю.

– С отцом не хочешь поговорить?

– Нет. Он чужой мне человек.

– Зря. Тебя никто не заставляет его любить. Можно просто общаться. Хотя бы узнай, что он за человек.

– Только ради тебя и мамы, ведь она хотела, чтобы мы поговорили.

– Вот и умница. А теперь предлагаю погулять и немного развеяться. Как ты на это смотришь?

– Не хочу, но нужно. Пойдем.

Глава 12

— Иван Андреевич, к вам посетитель. Она без записи. Некая Ольга Ивановна Туровцева. Говорит, что вы ее ждете.

— Проводите ее ко мне, – ответил доктор, встал с рабочего места и подошел распахнутому настежь окну, из которого врывалась в жизнь весна, пели птицы и солнце смотрело на землю как-то по-особенному тепло.

– Доброе утро, – поздоровалась Ольга. В ее голосе не было былой жесткости и неприятия.

– Доброе утро, рад тебя видеть! Как поживаешь?

– Я приглашаю вас на вечернюю чашку кофе. Вы сможете сегодня?

– Да, смогу, конечно.

– Спасибо. Тогда я зайду вечером.

Вечер отец с дочерью провели замечательно. Оба были довольно искренни и сразу прониклись друг к другу уважением. Договорились, что будут созваниваться. В свои планы отца Ольга не посвящала, ведь она еще не решила, куда отправиться и где все-таки остаться. Московская перспектива не радовала – как-то не было желания ехать в проблемную компанию, где исход должен был быть один: увольнение. Но не это ее пугало. Она только что обрела семью, родных людей. И быть далеко от них она теперь не представляла возможным. Особенно это касалось бабушки, которой она восхищалась, у которой было чему научиться.

Думая о предстоящем выборе, Ольга гуляла по мостовой и размышляла. Казалось, что все замерло и ждет ее решения: солнце повисло желтым светящимся яблоком над рекой, вода тихо пела колыбельную, ветер молчал, птицы устали петь и попрятались по уютным гнездам. Смеркалось. А дома ее ждала Наталья Петровна. Решение было уже готово внутри, его нужно было только сформулировать и озвучить. Да, она решила, что останется с бабушкой: потеряв мать, она стала внимательнее относиться к людям, прислушиваться и чувствовать их. Бабушке она нужна была, а бабушка нужна была ей.

Через неделю Ольга рано утром стояла на волгоградском вокзале с двумя чемоданами. Навстречу ей бежала бабушка с огромным букетом цветов и счастливой улыбкой.

– Ну что, внуча, в другую жизнь? Только мы с тобой сейчас не домой поедем, а в аэропорт.

– Какой аэропорт?

– Мы едем в Италию на неделю, нам нужно отдохнуть, прежде чем мы с тобой приступим к работе. И потом нам нужно отвлечься. Едем?

– Даа, – ответила несколько ошарашенная Ольга внезапным предложением Натальи Петровны.

У вокзала их ждало такси и путешествие в новую жизнь.

Эпилог

– Мне в 201 палату нужно срочно!
– Я не могу вас пустить, сейчас два часа ночи... Не имею права...
– Да плевать! Я позвоню Олегу Николаевичу сейчас.
– Звоните. Без разрешения не пушу!
– Олег, доброй ночи. Прости, что поздно. У меня внучка родила, мне к ней нужно очень.
Нет, не пускают без твоего разрешения, – Наталья Петровна протянула телефон дежурной медсестре.

– Да, поняла. До свидания. Пойдемте со мной.

«Внучка! Нет, правнучка! Машенька, дочка, не дожила ты... Я за нас двоих нанянькаюсь...», – так думала новоиспеченная прабабушка, пока шла по тихому коридору в палату к Ольге.

Через год после приезда в Волгоград Ольга под руководством бабушки открыла свою кондитерскую, где довольно успешно развивала навыки бизнесвумен. Там же она встретила Игоря, начинающего хирурга, вышла замуж и вот родила дочь. Отец ее, Иван Андреевич, регулярно навещается в гости: отношения их с Ольгой стали напоминать отношения отца и дочери.

Пройдет еще два года, и они с мужем станут владельцами небольшого загородного отеля на берегу Волги, у них родится сын. Бабушка до последних дней будет с ними: они с Ольгой с момента воссоединения и до самого конца были неразлучны.

«После войны».

Краткое содержание

Действие разворачивается на протяжении 70 лет: с 1945 по 2015 годы и затрагивает судьбы четырех поколений: Семена Прокопьевича, его сына Григория, невестки Шурочки, внуков Ильи и Елена и правнука Алексея.

События начинаются с возвращения семьи Семена Прокопьевича из эвакуации. Параллельно развивается сюжетная линия сложной судьбы Шурочки после смерти матери.

Две судьбы, Григория и Шурочки соединяются и наступает время семейного счастья, в котором рождается и вырастет их сын Илья.

Умирает Семен Прокопьевич, за ним Григорий, уезжает учиться Илья, и Шурочка остается одна с дочерью.

Женская судьба Лены тоже выдалась непростой, воспитать сына у неё не получилось.

Именно Алексей, то ли по незнанию, то ли по легкомыслию, разрушит память о предках.

Пролог

Из эвакуации Семен Прокопьевич привез семью на пепелище. Немцы, покидая Смоленщину, жгли деревни и разоряли хозяйства. Был апрель, снег уже стаял и обнаружил под собой обугленные фундаменты домов и одинокие свечки печных труб. Дом стоял возле оврага, дальше деревня заканчивалась. И сейчас, если смотреть на долину, где желтели вербы и блестял ручей, начинало казаться, будто войны и не было вовсе. А она была. Как была и мать Семена, Марфа Игнатьевна.

Пожилая женщина уезжать из родных мест наотрез отказалась: «Это Вам, молодым, легко. А я куда? Тут дети мои родились, могилы родителей, мужа здесь. Я – как большое дерево – хоть с корнем пересаживай, а не приживусь нигде больше. Немец, он, знать, на старуху-то и не поглядит».

И вот сейчас сосед Иван Кузьмич стоял перед Семеном, переминался с ноги на ногу, сжимал в руках деревянную палку и бормотал: «Уж не обессудь, Прокопич, не уберег я Марфу. Так бомбили, что у неё от страха ноги отнялись. Как начали дома жечь, вытащил её на улицу, тяну к оврагу, чтобы схорониться, а она плачет: фотокарточка мужа в хате осталась. Эх!...» – старик пошарил за пазухой, скрутил папироску. Шурился, часто моргал, смотрел в сторону, и старался не заплакать. «Немец гонит нас, а она идти не может. Так и выстрелил, ему-то что. Это уж когда наши пришли, похоронил я её тут же, у оврага. Ты уж сам реши, то ли крест поставить, то ли как». Старик неуклюже сгорбился, повернулся и молча вышел за калитку.

Что делать, жить-то надо. Сначала рыли землянки, благо, что лето пришло. Потом Семён и лес в колхозе выписал, дом поставил. Бревна выбирал придирчиво, следил, чтобы венцы были уложены крепко. Несколько хороших досок в чулан отнес: «По весне Митричу отдам, чтобы наличники поузорнее вырезал».

Как заселились, пошел Прокопич в рощу, выбрал березку постройнее и посадил возле дома, там, где Иван Кузьмич Марфу Игнатьевну хоронил. Тут же и дубовую лавочку в землю вкопал. «Меня не будет, а может, кто из внуков присядет, вспомнит всех, что тут до него жили, да и нам на том свете теплее будет», – думалось Семену Прокопичу.

Глава 1

Отец Шурочки умер ещё до войны, поэтому пенсию они с матерью и старшей сестрой не получали. Как многие из их деревни, из эвакуации вернулись в чистое поле, к осени поставили избушку. Мать надорвала спину ещё в 1944-м, поэтому теперь по большей части всё лежала. Изредка поднимется сделать что-то по хозяйству, а так даже чугунок до печки не донесет – роняет. Пока была жива Анна Тимофеевна, мать отца, худо-бедно справлялись. Выручало хозяйство. Шурочка даже успела отучиться в начальной школе.

Однажды весной, на Пасху, засобиравшись Анна Тимофеевна в соседнюю деревню: «Мужняя могила уж заросла, поди, а где сына похоронила и не найду уже. Не по-людски как-то». Ушла с первыми петухами. Нашла могилки, убрала мусор, посидела, поплакала. Обрато идти через реку. Весна ранняя была, вода разлилась, даже на мосту по колено стояла. Вернулась Анна Тимофеевна поздно, долго сушилась у печки, кашляла. Утром встать уже не смогла. За неделю бабушка угасла.

Вроде бы и не было у Шурочки детства особенно, а тут оно и вовсе закончилось. Старшая сестра отправилась работать в колхоз. 10-летняя Шурочка сначала занималась хозяйством, потом сама пошла в доярки. Какая тут учеба, когда к вечеру валишься от усталости. Денег в доме совсем не было, работали за трудодни и за продукты, разве что сходишь в город и обменяешь мешок картошки на ботинки или отрез ткани. Через три года сестра уехала на заработки на Север, стала присылать часть зарплаты, но тоже совсем немного.

Когда Шурочке исполнилось 16, умерла мать.

Хоронить приехали из соседнего района материны сестры.

Как водится, позвали плакальщиц: женщины в черных одеждах вставали на колени, причитали в голос. Шурочка рыдала и кричала с женщинами в траурных платках. «Плачь, дочка, плачь», – легла на голову девочку шершавая ладонь старшей тетки Авдотьи.

Глава 2

Осталась Шурочка одна. Днем в колхозе, а вечером приходила в свою низенькую хатку. Раньше, бывало, вернется домой, ног под собой не чувствует, вдруг слышит – тихий голос зовет: «Поди сюда, дочечка моя дробная, пожалею. Тяжело тебе, а помочь ничем не могу». Девочка тогда прижималась к матери, слушала ровное биение её сердца и смирялась со своей судьбой.

Теперь же нет никого. Только тишина.

Тетки звали к себе – не поехала: зачем быть обузой в чужой семье? А так – сама себе хозяйка. Дом есть, прокормиться сможет.

Едва исполнилось семнадцать – пошла на лесозаготовки. Хоть работа и мужская, зато платят больше.

Первый год прошел спокойно, а на второй к Шурочке зачастили тетки. Старшая обычно сядет, поправит платок на голове, разглядит платье на коленках, помешает чай ложкой в стакане, сахар отодвинет, кусочек хлеба отщипнет.

Разговор всегда получался одинаковый:

– Изба-то, Шурочка у тебя совсем покосилась.

– Позову плотника из нашей бригады – поправит.

– И как же ты так-то? Одна с мужиком? А ну как что нехорошее задумает?

– Пусть только попробует! Я быкам хвосты кручу, уж с мужиком-то справлюсь!

– Замуж тебе пора! Мальчика присмотри, сосватаем.

– Нет, тетя Авдотья, уж как я теперь живу одна барыней, так никогда ещё не жила. Никого мне не надо!

– Ох, Шурочка, вот помру, так на том свете спросит твоя мать-покойница, как я за тобой приглядывала, как сироте помогала? Что я ей отвечать буду?

Шумно вздохнув, Авдотья поднималась, хмуро оглядывала скудное убранство Шурочкиного дома и начинала прощаться.

Однажды утром приехали обе тетки разом. Начала младшая:

– В-общем так, племянница, работница ты у нас передовая, сама из себя видная. Сирота, конечно, ни гроша за душой, но характер смирный. Сама понимаешь, с таким богатством чуть замешкаешься, так в девках и состаришься. А тут как раз в соседней деревне невесту парню хорошему ищут. Семья богатая, хозяйство большое. Как у батюшки родного жить будешь!

И как-то всё так быстро у теток сладилось, что через неделю Шурочку стали готовить к смотринам.

Глава 3

10 лет прошло после войны. Трудно было, но семью Семен Прокопьевич поднял.

Две коровы, бычок, овцы, пасеку свою держал, огород большой. Конечно, пот на рубашке не просыхал, спина не разгибалась, зато всё своё. Дети тоже в люди вышли. Старшего проводил на фронт и с фронта встретил. Вся улица смотрела, как Федор шел к дому живой и весь в орденах. Средний на заводе в эвакуации трудился, ещё и 16 не было, а значок труженика тыла имел. Дочек воспитал работающих, выдал замуж в хорошие семьи.

Односельчане Прокопьяча уважали: по совести жил старик, крепко и ладно у него всё получалось.

Замечали его за версту:

– Будь здоров, Прокопьяч!

– И тебе не хворать, Пантелеич!

А с младшим сыном вообще история вышла. За 5 лет до войны жена Семена Прокопьевича, Марья, почувствовала, что ждет ребенка, ей было уже за сорок, по меркам того времени возраст почти пожилой.

– Стыд-то какой, – призналась Марья мужу, – внуки скоро пойдут, а я, как молодая, ребенка жду. Что люди скажут?

– Молчи! – прикрикнул Прокопьевич. – Даже думать так не смей! Сколько бы ни было детей, а все свои, законные.

Как пришел срок, спряталась Марья в хлеву. Мальчик родился слабенький, лежал на холстине и не шевелился.

– Едва на свет появился, а Бог уж тебя забрал... – вздохнула Марья.

Только подумала, как мальчик всхлипнул, да как закричит во всю Ивановскую!

– Ну что, мать, – радовался потом Прокопьяч, – певца нам на старость лет родила?

У Гриши и правда был отменный голос. Услышал однажды, как бабы на сенокосе поют, подхватил, да так звучно, так красиво! Уже взрослым парнем мог затянуть песню ещё в начале деревни, а на другом конце уже слышали, что младший у Прокопьяча домой идет.

– Отпусти, отец, Гришку к нам в город, – просили старшие сыновья у отца, – мы парнишку поднимем, может, артистом станет, будешь Гришку по радио слушать.

– Каким таким артистом! – начинал сердиться Прокопьяч. – А кто трудиться будет? Все поразъехались, мы с матерью старые уже, а хозяйство каждый день заботы требует!

Рабочих рук на самом деле уже не хватало, а сажать поле поменьше или держать не так много скота Прокопьячу гордость не позволяла. Тогда он решил женить младшего сына. Сначала ходил к соседям, присматривался, потом стал в соседние деревни по всяким делам ездить. А тут однажды пришла Авдотья, что мёд и шерсть овечью у него покупала.

– Слышала я, что невесту Гришке присматриваешь.

– Есть такое дело! – добродушно улыбнулся в бороду старик.

– Племянница у меня имеется. Молодая, красивая, работающая. Хотя сирота и приданого нет, зато к роскоши непривычная, лишнего куса хлеба у тебя не спросит.

Не ведал Гришка, не гадал, что судьба его тут и решилась.

Глава 4

Изда тестя по сравнению с низенькой Шурочкиной хаткой казалась царскими хоромами: большая, основательная, на высоком фундаменте. Дом был деревянный, но не просто собранный из бревен, а ещё и аккуратно обшитый досками и выкрашенный в зелёный цвет. За окнами в резных белых наличниках – чистейшие тюлевые занавески.

Внутри светло и просторно. Деревянные полы коричневого цвета, на них – домотканые половики в бело-красно-чёрную полоску. В первой комнате стоял большой круглый стол, покрытый новой клеёнкой вместо скатерти, в углу – икона в вышитом рушнике.

Шурочке с Гришей выделили целую комнату за шторкой. Там помещался небольшой платяной шкаф с зеркалом на правой дверце, ножная швейная машинка, которую можно было перевернуть вниз, и тогда получался маленький столик. Главную достопримечательность комнаты составляла кровать. Она была новая, на пружинах, правую и левую спинку украшали металлические шары. Тетки расстарались и собрали приданое для Шурочки: огромную пуховую перину и пять подушек, которые можно было уложить одну на другую; всё это богатство застелили на кровати. Сверху – покрывало, вязаное крючком из тонких ниток, – подарок Марьи молодоженам.

И муж у Шурочки тоже оказался хороший. Не высок и не низок, черноглаз, черноволос, за все годы, что прожили вместе, и не прикрикнул даже на жену.

Первый год замужества был самым счастливым. Сразу после свадьбы пришло время сенокоса. Отправились молодые далеко в поле, там, где колхоз делянку выделил.

Гриша резво косит: шаг – сноп травы падает ему под ноги, ещё шаг – падает второй. Шурочка не отстает, только изредка останавливается, чтобы поправить косынку и вытереть пот со лба.

За день наработаются, сядут возле скошенного стога, Шурочка нарежет крупно хлеб, сало, холодное молоко достанет. Гриша поест, посмотрит на жену, улыбнется, обнимет крепко и затянет песню:

Шумят вербы коло гребня,
Что я посадила,
Нема того казаченька,
Что я полюбила,
Нема его, тай не будя,
Поехав на запад,
Сказав, расти, девчиночка,
По вторую весну...

Голос у Гриши звонкий, переливчатый, когда поет, даже сердце замирает. И затейный какой! На каждый день у него новая песня имеется. Как тут не влюбиться?

А солнце уже садилось, но было ещё тепло, летний ветер и кузнечики в траве. Муж с женой, уставшие, оставались ночевать тут же, чтобы с утра, пока прохладно, продолжить работу.

Наутро, ещё и первый ряд не скосили, как слышался голос: «Эге-гей, работнички, не уморитесь смотрите!» – это Марья собрала обед для сына с невесткой и отправила Прокопчыча в поле.

Глава 5

На Успенье, в аккурат после Яблочного Спаса, случился у Семена Прокопьяча день рождения.

С самого утра Марья с Шурочкой хлопотали по дому: в большой комнате ставили столы буквой П, вдоль столов разместили лавки. На белую скатерть стали раскладывать угощения: аккуратными стопками толстые блины и миски со сметаной, молодую картошку с укропом и в сливочном масле, из печки вытаскивали большими кусками тушеное мясо, разливали в глиняные миски свежий мёд, а напоследок Марья шла в погреб и выносила холодец.

Гости собирались к полудню: городские как выспятся и доедут, деревенские – как управятся по хозяйству. Приехали сыновья и дочери с женами, мужьями и детьми, а старший, Фёдор, двух правнуков Прокопьячу привез. Так больше двадцати человек и набралось.

Заходили соседи и просто знакомые. Сядут за стол, выпьют за здоровье Прокопьяча и начинают прощаться: «Мы к тебе уж потом, у вас тут дело семейное».

Поздравляют Прокопьяча дети, а Гриша как улыбнется хитро, да как начнет:

«Ветер занавесочку

Тихонько шеве —шевелит...».

За ним сестры подпевают:

«А милый мой под окошечком

С другою говорит...».

Наконец, подтягивается басовитый голос братьев:

«Входит милый в комнату,

Закручивает он усы,

Сымает он да фуражечку,

Сам смотрит на часы...».

Так дружно пели, что даже дети оставили свои игры и стали слушать.

Провожали гостей поздно вечером. Стоя на крыльце, раздавал Прокопьяч подарки и жутко гордился, что после войны и солью было поделиться жалко, а теперь вот хоть целый мешок муки отдать можно. Тому шмат сала положит, этому – бочонок с медом или банку топленого масла. Дочкам по мешку шерсти выделил.

– Это ж мне всю зиму прясть! – смеялась младшая.

– Пряди-пряди, а то ж батя приедет по весне и проверит, – отвечала старшая.

Ночью, засыпая, Гриша шептал Шурочке: «Вот такая у нас с тобой семья...».

То была Шурочкина молодость, когда и вода была слаще, и хлеб вкуснее.

Глава 6

Из детства у Илюши сохранились запахи: изба пахла вытопленной печью, мать – молоком и ветром, отец – баней и влажным деревом, а дед... дед пах воском и тёплым медом.

Семен Прокопьевич остался в памяти внука целой эпохой, когда можно было взяться за крепкую руку, шагать по большой незнакомой улице и ничего не бояться.

Особенно Илья любил разговаривать с дедом, когда тот сидел на лавке под большой березой у оврага и плел корзины из лозы. У старика была седая голова и белая борода до середины шеи, а глаза голубые-голубые, озорные такие и добрые.

– Видишь, Илюша, эту березу? Листьев много и ветки большие, а всё почему? Потому что корни сильные. Ты – как вон та веточка наверху, только расти начинаешь, а не было бы у тебя такого ствола и корешков, был бы хиленьким, будто былинка на ветру, – рассуждал дед, – Ты березку-то береги, внучок, память это.

Помнил Илья, как отправились они к тетке Нюре попариться в бане. Пять километров до соседней деревни прошли пешком по лесу, утомились, а как березовым веничком их отходил теткин муж, как напились они чаю липового, так до позднего вечера сидели частушки пели.

Оставляли Прокопьяча с внуком ночевать – не согласился, тогда запрягли лошадь и поехали провожать гостей.

Скрипит телега, глухо стучат копыта по земле, а с лугов душисто пахнет разнотравьем. Ночное небо синее-синее, а впереди – полная луна, да так низко висит, что ещё чуть-чуть и зацепится за ветки, да упадет на землю.

Не забыть такое.

А ещё как-то Прокопьяча вместе с соседом, дедом Афанасом, вызвали в военкомат, пенсию назначать, Илья увязался следом. Хоть соседи и ровесниками были, да дед Афанас всё хворым и беспмятным прикидывался, он и в колхозе-то пастухом еле-еле работал.

– Сколько, дедушка, Вам лет? – спрашивали Афанаса в военкомате.

– А кто ж их считать-то будет? Помню только, что на Николу Зимнего родился, а там уж много годов прошло.

– Дедушка, а Вам сколько? – теперь уже Прокопьячу вопрос.

– Так с 1893 года я. Ещё в первую мировую воевал, а на последнюю войну не пустили, сказали, что старый уже.

Да так бодро Илюшин дед вел беседу, что Афанасу, как немощному, пенсию назначили, а Прокопьячу велели трудиться в колхозе, мол, дед при полной силе ещё.

Это уже потом Шурочка мчалась в районный центр, чтобы затребовать пенсию свекру: «Человеку семьдесят лет, а вы его работать заставляете!» – возмущалась мать Илюши.

Как-то уже под зиму загрустил дед, вечером позвал к себе внука и говорит: «Помнишь, березку-то? Вот... Помни...».

На следующий день Прокопьяча не стало.

Глава 7

Как умер родной отец, Шурочка не помнила, а вот когда не стало Степана Прокопьевича, то будто кусок сердца отрезали и похоронили. Рана со временем превратилась в рубец, но меньше от этого не стала.

Горевать же времени не было. Гриша пошел работать в соседний поселок на завод, смена длилась с трех дня до полуночи, обратно домой – шесть километров пешком, поэтому чаще всего ночевал в общежитии, в деревню приходил только на выходные. Хозяйством Шурочка занималась одна.

Встанет в 4 утра, может, к 10 вечера только приляжет. А что, как проснулась – бегом колхозных коров доить, а дома уже своя скотина ждет, тут же печь топить надо, детям приготовить и постирать.

Непростое это занятие – в чистоте себя содержать. Сначала воды из колодца наносишь, потом бельё в корыте замочишь и руками перетрешь, а там на речку везешь – полоскать; и так в любое время года.

Само собой, с весны огородные дела добавлялись: вскопать, посадить, прополоть, собрать урожай и убрать на хранение. Зимой тоже не до отдыха: из овечьей шерсти нитки напрясть, навязать семье теплой одежды; из утиного пуха сделать подушек.

Ближе к вечеру снова на дойку в колхоз, а потом домой: детей кормить, скотине зерно варить.

Хоть и полноправной хозяйкой в доме Шурочка стала, теперь её только Александрой Матвеевной и называли, а забот от этого меньше не становилось.

Однажды весной проснулась она раньше обычного, посмотрела в окно: вроде день как день, но почему-то не помчалась по делам, а открыла шкаф и посмотрела на платье. С тех пор, умерли свекровь со свекром, семейные праздники стали редкими, некуда было наряжаться. Шурочка выбрала самое любимое, крепдешинное платье серого цвета в мелкий розовый букетик; надела, поправила рюшечки на груди, рукава фонариком, затянула пояс. В зеркале на шкафу отразилась подвижная стройная фигура молодой женщины, кокетливый изгиб талии, уверенный поворот головы, зеленые глаза смотрели полушутливо – полусерьезно. Так захотелось в ту минуту достать туфельки на каблуках и пуститься в пляс!

«Ну, хватит уже!» – решила Шурочка, надела своё обычно платье и вернулась в ту жизнь, где она была не привлекательной женщиной двадцати восьми лет, а усердной работницей, заботливой матерью и верной женой.

Глава 8

Двенадцатилетний Илья шагал по улице босиком и держал в руках черный хлеб, который был смочен водой и посыпан сахаром.

С утра мальчишка уже наносил воды в большую деревянную бочку, покормил кур и поросят. Частенько приходилось ещё и присматривать за младшей сестрой, но ту накануне укусила пчела, поэтому мать забрала дочь с собой.

Так что день сегодня определенно удался.

– Эй, Илюха, пойдем на речку купаться! – кричал из-за забора сосед Ванька.

– Только, чур, я первый прыгаю! – отвечал с набитым ртом Илья.

На берегу копошилось уже прилично народу. Здесь был невысокий обрыв, и, если хорошенько разогнаться, можно было даже сделать сальто. С гиканьем и свистом мальчишки по очереди ныряли вниз, раздавался всплеск, и довольная голова пловца показывалась на поверхности воды.

Обычно Илья сидел на речке до самого вечера, но сегодня на втором прыжке он неудачно развернулся, и корень прибрежного дерева распорол ему руку от плеча до локтя.

Не столько было больно, сколько страшно, что мать узнает и заставит сидеть дома. Решение было принято мгновенно: кое-как обмотав рану рубашкой, мальчик направился в соседнюю деревню к тетке.

– Батюшки святы, кровищи сколько! – заголосила с крыльца двоюродная сестра Люда.

Руку у Ильи промыли, залили зеленкой, выдали новую рубашку, а, чтобы утешить раненого бойца, даже налили в вазочку домашней стущенки. Довольный мальчик сидел на стуле, болтал загорелыми ногами и был исключительно счастлив.

– Ты завтра на перевязку заходи, если что, – улыбалась и шурилась от солнца Люда.

К дому Илья подошел уже в сумерках, залез в палисадник и через заросли розовых флоксов пробрался к раскрытому окну. Было тихо, значит, мать доила колхозных коров и Лена с ней. Залез на подоконник, осторожно отодвинул тюль, и, стараясь не потревожить горшки с цветами, спрыгнул на пол.

Лежа в кровати, Илья успел подумать о том, как же ловко он придумал навестить тетку. «Лишь бы мать не заметила грязные ноги», – мелькнула мысль, и мальчик уснул.

Глава 9

Илья заканчивал школу, а Лене шел четырнадцатый год, когда не стало отца.

Пришел со смены из поселка, попарился в бане, сел на лавку, вздохнул и всё тут. Доктора сказали, что остановилось сердце.

Шурочка даже сначала не поняла, что случилось. Долго ещё потом просыпалась ночью, слушала тишину и плакала.

Провожать Гришу приехала вся семья Семена Прокопьевича, снова столы в комнате стояли буквой П, по бокам – лавки, только теперь гости были молчаливы и серьезны.

Сестры пели какую-то грустную песню, от которой становилось горше, но не плакалось.

После полудня стали расходиться. Старший брат Григория, Фёдор, подошёл к Шурочке, помолчал, собираясь с мыслями, и твердо сказал:

– Вот что, невестка, своих детей я уже вырастил, а мы с женой не старые ещё. Отправляя сына к нам в город, в институт поможем поступить, выучим, а там, глядишь, и человеком станет. Всё ж-таки одного ребёнка легче поднять, чем двух.

Что тут скажешь? Прав был Фёдор. Как ни жалко было расставаться с сыном, а отпустила.

Илья поступил в медицинский, втянулся в учебу, дни и ночи просиживал в библиотеке или дежурил в больницах. Домой вырывался только на месяц летом. Приезжал счастливый:

– Потерпи, мать, всего ничего учиться осталось, а там работу найду поблизости, буду к тебе часто-часто ездить!

– Илюшенька, сынок, похудел-то как, одни глазищи дедовы на лице остались. Может, ну её, эту учебу, на завод пойдешь, женишься...

– На заводе каждый может, а я пользу хочу приносить!

В этот единственный месяц Илья успевал заготовить дров, проверить крышу, починить в доме всё, что прохудилось, даже выкопать огород и вспахать землю под зиму.

В год перед интернатурой уезжал в город с твердым намерением вернуться работать в райцентр. Не сложилось.

Попал Илья по распределению на Волгу, в Куйбышев.

Напрасно пытался убедить комиссию, что мать у него в деревне с сестрой остаются. Председатель посмотрел поверх очков и медленно произнес:

– Вас, юноша, государство шесть лет бесплатно учило, поэтому извольте ехать не туда, куда Ваша душа пожелает, а туда, где Вы родине нужны. Куйбышев – это не Сибирь всё-таки. К тому же Ваша мать не инвалид и даже не пенсионерка, после войны и не в таких условиях выживали.

Очередной круг замкнулся. Опять остались мать с дочерью одни. Только теперь матерью была Шурочка

Глава 10

В отличие от брата, Лена требовала к себе внимания с самого рождения. Когда была маленькая – простужалась от любого сквозняка, а, как подросла, то выйти на улицу не могла, чтобы с ней чего-нибудь не случилось.

Спускается с крыльца – непременно споткнется и набьет шишку, подойдет к ульям – покусает пчелы, даже за водой идти – могла уронить полное ведро и ушибить ногу.

Не то, чтобы специально, а так вышло, что девочку берегли. Шурочке было жаль своего детства и хотелось, чтобы у дочери оно было счастливее.

Надо признаться, что с характером Леночке повезло: она всегда была в хорошем настроении, смеялась, и не утруждала себя обидами.

– Добрая ты, Ленка, но легкомысленная! – говорил Илья сестре.

Учиться Лена особенно не любила, поэтому после восьми классов поступила за компанию с подругой в техникум в райцентре. Брала на специальность «Радиоаппаратостроение», она пошла на это отделение. Не учла только, что по окончании учебы будет распределение, а уезжать из-под крыла матери девушке совсем не хотелось. Пришла домой в слезах. Шурочка всполошилась, побежала к директору техникума:

– Как же так! Девка молодая, деревенская, пропадет в незнакомом городе!

– Мамаша, Вы тут страху не нагоняйте. Попасть на рязанский завод —перспектива весьма хорошая. Дадим комнату в общежитии, не пропадет! Опять же, военное училище рядом, кто знает, может замуж за будущего генерала выйдет!

Генеральшей Лена не стала: Шурочка добилась, чтобы дочь получила свободный диплом.

А дальше что? Дальше только на завод в ближайшем поселке и личную жизнь устраивать.

Вообще, поклонников у Лены было много: только одного с крыльца проводит, как второй уже в дверь стучится.

Случалось, что почтальонша Варя прикатит на своем велосипеде, оставит его возле калитки, а сама сядет на крыльцо и хитро так улыбается:

– Что, Леночка, опять килограмм открыток прислали?

– Ой, тетя Варь, как в армию поуходили, так пишут и пишут, скоро в альбом фотографии перестанут помещаться!

– Как бы моей Наташке столько женихов, хоть было б из кого выбрать!

Тут Варя вытаскивала из сумки пачку писем, просила подать ей кружку воды и отправлялась к следующему дому

Однако, замуж Лена вышла скоропалительно, за простого парня – водителя КАМАЗа.

Шурочка очень сокрушалась, всё-таки видела зятя человеком образованным, но, когда через шесть месяцев родился внук Алеша, смирилась, стала помогать воспитывать внука.

И всё-таки, как ни просто было Лене жить в начале, так тяжело стало потом.

Через три года после Алёши родилась девочка, прожила месяц, потом заболела, и уже в больнице умерла. Ещё через два года погиб в аварии муж.

Потом начались лихие девяностые.

Как жить дальше, никто не знал...

Глава 11

В 1992 году Шурочка, теперь уже Александра Матвеевна, вышла на пенсию.

По старой многолетней привычке всё также работала на огороде, вела хозяйство, ходила на рынок продавать огурцы и яйца.

А времена в стране изменились, предприятия закрывались, людей сокращали, каждый выживал, как мог.

У Александры Матвеевны было две собаки, дворняжки, они имели природное свойство безошибочно определять своих и чужих, к своим бежали навстречу, чужих сопровождали до крыльца, всем своим видом показывая, что они начеку. Как-то хозяйка поехала в поселок к дочке и осталась там на всего одну ночь, когда вернулась, никто не встречал её у калитки, во дворе тоже было тихо. Дворняжек отравили. Потом уже, Лёша, приезжая к бабушке, никак не мог понять, почему собак здесь больше нет.

Вскоре после этого события со двора пропали старые чугунки и алюминиевые кастрюли. Ещё через неделю, ночью, Александра Матвеевна поняла, что по огороду кто-то ходит и что-то ищет, слышно было, как открывался сарай, потом схватились за ручку двери в избу. Шурочка закричала, стала звать сына, потом услышала голос: «Наверное, Илья гостит, пойдем отсюда».

Ещё страшнее стало после такого случая: окна в избе были старые, деревянные, стекла крепились к рамам на маленькие гвоздики. Однажды, вернувшись с рынка, Александра Матвеевна обнаружила, что гвоздики аккуратно отогнуты, стекло выставлено и кто-то забрался в дом. Исчезло всё, что можно было сдать, как цветной металл, пропали деньги из ящика в кухонном столе. Единственное, что уцелело – это алюминиевая кастрюля с тыквенной кашей, забытая в духовке.

Теперь Шурочка почти не спала по ночам: даже в стуже ветки яблони о деревянную стену дома ей слышались чужие люди.

Илья приезжал нечасто. Сначала в Куйбышеве его уговорили набраться опыта, потом женился, появились дети, не хотелось срывать семью с места, а в девяностые вообще всё встало с ног на голову. Уговаривал мать переехать к нему, она отказывалась, да и сам понимал, что, ей, прожившей всю жизнь на земле, сложно будет привыкнуть к четырём углам в квартире.

Дочь приезжала к Александре Матвеевне когда раз, когда два в неделю. Домой отправлялась с сумкой продуктов и с деньгами «для внука». Иногда привозила Лешу, но у бабушки мальчику было скучно, и ездить сюда он не любил.

А время летело... Лена смотрела на себя в зеркало и удивлялась, как она могла так быстро превратиться из жизнерадостной хохотушки в удручённую женщину с потухшими глазами? Заботы и правда шли одна за другой: завод то работал, то стоял, деньги то были, то нет. Молодая ещё женщина еле-еле сводила концы с концами, старалась, чтобы Лёша был одет и обут, но на воспитание, а тем более на разговоры по душам, времени и сил не оставалась. Заставляя сына помогать по хозяйству, Лена часто срывалась на крик, мало интересовалась тем, чего Лёша хочет, о чем думает, каким человеком растёт её сын. Каждый из них был сам по себе.

И это обстоятельство едва не привело к трагедии...

Глава 12

Прошло 15 лет, шёл 2014 год.

Жизнь вошла в новое русло, в поселке стали появляться новые дома, завод худо-бедно, но работал.

Сыновья Ильи закончили военные училища. Старший отправился служить в Мурманск, младший уехал на Дальний Восток. Через полгода Илья выходил на пенсию, поэтому к весне решил с женой перебраться поближе к деревне матери: детям всё равно куда в гости приезжать.

В самом начале осени в дверь Александры Матвеевны постучали: на пороге стояла Лена, за её спиной маячил Лёша. Лена зашла в дом, Лёша остался на улице и зачем-то принялся ходить вокруг дома.

– Чего-то он как неродной? – удивилась Шурочка.

– Мам, мы по делу приехали, – замялась Лена, – Сама видишь, время такое, что на заводе много не заработаешь, лес валить тоже сил не напасешься, хорошо живут только те, у кого своё дело есть.

Шурочка перестала выкладывать котлеты на тарелку, положила ложку и присела на стул.

– Лёшины друзья говорят, что места тут возле тебя хорошие, – ободренная молчанием матери, дочь заговорила увереннее, – Вот поставить бы баньку, беседку у оврага, да домик гостевой, народ толпой поедет отдыхать, если дело хорошо пойдет.

– Это ты хочешь, чтоб я внуку собственный дом отдала, а сама под забором померла? – Шурочка не ожидала, что сможет сказать такие слова дочери.

– Ну зачем же так, мама? Дом твой пусть стоит, Леша пока рядом баню построит. Тебе уже одной тяжело, когда-нибудь придется или ко мне, или к Илье переезжать.

– Жила сама себе хозяйкой в доме и буду жить, сколько ещё мне отмерено – не знаю, а хочу тут и помереть, – не соглашалась Шурочка.

Но Лена вошла во вкус, заплакала, запричитала, что Лёша без отца рос, никто ему не помогал, а тут такая возможность серьезным человеком стать, кому, как не родной бабке, доброе дело внуку сделать! Вот так, слезами и уговорами уломали Шурочку.

Лена позвала Лёшу с улицы, тот зашел, деловито сообщил, что на днях приедет поле под баню с беседкой расчищать, там, где вид с оврага особенно хорош.

Александра Матвеевна почти не слушала, она как-то съежилась вся и тихо смотрела в окно.

Через два дня нагрянула техника; старушка поспешила уйти из дома на кладбище, у могилки прибраться. Обрато шла еле-еле, у самого дома вдруг подняла глаза и ахнула: вместо березки на краю оврага остался пенек почти в полметра высотой, а лавочка исчезла.

– Березку-то... зачем..., внучок...? – прошептала Шурочка.

– Ба, она же вид загораживает! Ты не волнуйся, этот пень весной будем выкорчевывать! – с этими словами Леша хлопнул дверью машины и уехал.

Александра Матвеевна прижалась спиной к забору и медленно стала оседать на землю. Если бы не соседка, которая углядела из окна странно согнувшуюся фигуру Шурочки, то не было бы больше у Лёши бабушки.

А у сына Лены дальше ровного поля дело не пошло. Своих сбережений было всего ничего, друзья помогать не стали. В конце концов, бросил Лёша свою затею и уехал за длинным рублем на Север.

Ухаживать за свекровью примчалась жена Ильи. Ближе к зиме Шурочка отжилась, вернулась из больницы в избу, построенную тестем. Родные стены помогли ей почувствовать опору под ногами и жить дальше...

Эпилог

Было начало апреля. Начинала цвести ива. Птицы не пели, а голосили: «Меня послушай, послушай меня! Я вот как могу!»

Илья шел с чемоданом по деревне, вдыхал знакомый воздух и радовался новой весне.

Всего 20 лет назад вдоль улицы стояли в ряд разноцветные деревянные избы с глазами-окнами в резных наличниках, теперь всё больше кирпичные дома, иногда за глухими заборами. Но всё же где-то ещё оставались палисадники и видно было, как пробивались крокусы и синели первоцветы.

Изда матери приветливо улыбалась цветущей геранью в горшках и тюлевыми занавесками.

Всё было такое родное, но что-то было не так...

Илья посмотрел на овраг: как много лет назад, внизу желтела верба и бежал ручей, но не было на краю лавочки, и березы тоже не было, вместо неё из земли кособочился срубленный ствол. Земля питала подземные корни, и березовый сок тек по коре и капал слезами на молодую траву.

Зашуршали шаги. Илья обернулся. Сзади стояла мать.

– Семён Прокопьевич ко мне по ночам приходит. Сердится и грозит пальцем: «Куда смотрела, старая? Али не знала, кого под той березой хоронил?»

Морщинистые руки затряслись и закрыли мокрое от слез лицо.

Илья прижал мать к себе, вздохнул, и, как в кино, увидел картинки из прошлого.

Вот дед сидит на бревнах у забора и закрепляет железный обод на деревянной бочке, работа идёт ловко и быстро, Прокопьевич довольно щурится и подмигивает внуку.

Вот родители возвращаются с ярмарки на телеге, поют: «Вот кто-то с горочки спустился...». Такие красивые, счастливые, останавливаются у калитки, выпрыгивают на землю и подхватывают на руки пятилетнего сына.

А вот Илья приезжает в свой первый отпуск. На крыльце показывается Леночка, ахает, взмахивает косой и исчезает в избе. Через минуту из дома быстрыми шагами выходит Александра Матвеевна, останавливается, опускается на ступеньки и смотрит на сына с такой любовью, как умеет смотреть только мать.

Так не бывает, чтобы это всё так просто исчезло!

И, глядя далеко, за овраг, Илья твердым голосом сказал: «Не плачь, мать. Мы ещё повоюем! Будут здесь на лавочке под молодой березой твои правнуки сидеть!»

Москва, 2019 год.

ГРИГ
ЛЮДМИЛА
@LINC055

Григ Людмила.
«История семьи Гладышевых».

Краткое содержание

Старая усадьба генерала Гладышева утопала в цветах сирени. Одурачивающий аромат разносился по всему саду.

– Анечка, милая, как я люблю весну, – говорила Наталья Михайловна обращаясь к дочери, – Ты только посмотри на это великолепие. Ещё твой прадед генерал Гладышев велел посадить вокруг дома сорок кустов сирени привезенных из Голландии.

Анна Дмитриевна делала вид, что слушает мать, но сама была полностью поглощена своими мыслями.

– Анна, где ты опять витаешь?

– Ах маменька, простите, я задумалась.

– Что Павел? Когда его ждать домой?

Анна Дмитриевна вздохнула, приложила платочек к глазам.

– Вот об этом я и думаю с самого утра. Павлуша написал мне, что наверняка не сможет приехать этим летом. Очень он стеснен в средствах маменька.

Наталья Михайловна покачала головой и быстро посмотрела в сторону открытых окон.

– Душа моя, не нравится мне это. Дмитрий Николаевич давеча очень сердился производя подсчёты. Он сказал, что очень уж Павел шикаует в этом Париже.

– Маменька, ну как же шикаует. Париж, это же не наша деревня, где одно развлечение, что до речки прогуляться. А там театры, музеи, рестораны, да и учителя берут не малые деньги.

– Вот что я тебе скажу, Анна, из твоего лоботряса ничего путного не выйдет, – стоя на веранде сказал Дмитрий Николаевич, – виданое ли дело, чтобы в роду Гладышевых художники были. Тоже мне занятие для мужика, кисточкой махать.

Он презрительно посмотрел на дочь, в сердцах хмыкнул и вернулся в дом.

– Ах маменька, и почему он так Павлика не любит? – хватаясь за сердце спросила Анна. Наталья Михайловна покачала головой, взяла дочь под руку и увела в дом.

Глафира, молодая особа исполняющая роль экономки, накрывала на стол к вечернему чаю.

Семейство расположилось за столом.

– А что же Мария, не вернулась ещё из города? – спросил ворчливо Дмитрий Николаевич.

– Нет папенька, она с кузиной Ольгой пойдет в оперу, вернётся завтра к обеду.

Дмитрий Николаевич нахмурился, но ничего не сказал.

Чай пили в полной тишине.

Пролог

– Господи, Иисусе Христе, спаси раба Твоего Павла. Пресвятая Богородица, наставь его на путь истинный. Укрой его своим покровом неразумного. Огради его от соблазна, не дай сойти в геенну огненную.

Старая женщина стояла на коленях перед иконами, неистово крестилась обратив взор на лик святых.

Дверь с шумом распахнулась, в комнату ввалился Павел.

– А ты всё молишься богомолица ты моя. Всё грехи мои пытаешься вымолить. Брось Дарья, брось это дело, мне давно путь в ад заказан.

Старушка последний раз перекрестилась, и тяжело поднялась с колен.

– Опять ты пьян Павел Сергеевич. Опять у профурсеток был? Пожалел бы ты мать свою, вдовицу горькую. Да деда с бабкой. Ведь душа у них болит за тебя окаянного.

Павел пьяно захохотал, махнул рукой, и в сапогах повалился на кровать. Дарья поджав губы начала стаскивать сапоги что-то шепча себе под нос.

– Проклинаешь меня, богомолица?, – зло спросил Павел

– Да за что же мне проклинать тебя, неразумный? Душу твою у Бога отмаливаю.

– Пойди прочь старая, надоела ты мне своими молитвами.

Дарья взяла грязные сапоги и опустив голову удалилась в свою каморку.

После смерти своего отца, статского советника Сергея Петровича Урядникова, Павел, с матерью и сестрой, жил под опекой деда. Дмитрий Николаевич не разделял увлечений внука живописью, и всякий раз видя его с кистью у мольберта, в сердцах плевался.

– Пашка, ты как баба, честное слово. Это сестре твоей престало мазней заниматься, а ты, тьфу, срамота.

На семейном совете порешили отправить Павла в Париж, в школу живописи. С дедовых глаз долой, и для успокоения материнского сердца.

Надо сказать что Павел не обладал особым талантом, и Дмитрий Николаевич был прав, называя его рисунки бумагомарательством. Но, несмотря на свою военную грубость, он души не чаял в своей единственной дочери, и ворча потакал ей во всём.

А Анна Дмитриевна обожала Павлушу, и считала его гением. Она мечтала видеть его работы рядом с Мане и Шишкиным. Павел рад был лелеять надежды маменьки. Париж стал для него избавлением от дедовских насмешек.

Но как же ошиблось материнское сердце в гениальности сына. Павел Сергеевич был гениален, но не в живописи, и уж тем более не в учебе.

Глава 1

Солнце освещало купала храма Александра Невского. Отслужили обедню. Дарья возвращалась со службы скорбно поджав губы.

Павел не вставая с кровати, закурил сигарету. Пуская кольца дыма в потолок он хмуро смотрел в окно. На горизонте его безоблачной жизни появились тучи, которые омрачали все его дальнейшие планы.

Художественную школу Павел Сергеевич посещал время от времени, в основном после письма матери. Анна Дмитриевна писала письма полные любви к обожаемому сыночку, в них она была уверена, что Павлуша написал не одну гениальную картину. После таких слов в душе Павла просыпалась совесть, которой хватало ровно на неделю.

Дни свои Павел проводил в праздном ожидании вечера. Вечером Париж оживал: огни фонарей, кареты, дамы в вечерних туалетах, театры, рестораны, вот то, чем жил Павел Сергеевич в свободное от учебы время.

Крошка Софи, молоденькая танцовщица модного в те времена кабаре, приглянулась Павлу с первого взгляда. Покорить её было не сложно: цветы, конфеты, драгоценности, лестные обещания. И уже через некоторое время за ужин расплачивалась Софи, за номер в гостинице тоже, у Павлуши были временные трудности с деньгами.

Вчера Софи встретила Павла сияя от счастья.

– О, мой дорогой, я так ждала тебя, – пропела она подставляя губы для поцелуя.

Вино, фрукты, жаркие объятия. Павел стоял у окна, курил.

– У меня для тебя новость, любимый.

– Очень любопытно какая?

– У нас будет малыш. Ты рад? Правда же ты рад?

«Чёрт побери эту вертихвостку», – думал сейчас Павел, – " Рад я, как же, только ребенка мне и не хватало. И от кого? От какой-то профурсетки махающей ногами».

Подсчитав свои жалкие гроши, дед давно урезал его содержание, Павел велел Дарье собираться в дорогу.

– Вот и славно, вот и хорошо, – суетилась старуха украдкой бросая взгляд на образа, – услышал меня боженька.

– Да хватит тебе бубнить свои молитвы, надоела ты мне, страсть как надоела, – кричал Павел.

Проезжая мимо любимого ресторана, Павел вздохнул с сожалением. Про крошку Софи даже не вспомнил. А Дарья сидя в уголке, перебирала чётки, и не переставала благодарить Бога за услышанные молитвы.

Глава 2

Карета подъезжала к селу. Уставший от дороги Павел, безучастно смотрел на проплывающие мимо поля ржи.

– Уродилась нынче рожь на полях вашего деда, – сказала Дарья.

Павел ничего не ответил, был погружён в тяжёлые думы.

За два года, проведенные в Париже, он успел соскучиться по этой незамысловатой, размеренной жизни. Но не забыл постоянных придинок деда, и его обещаний отправить в рекруты. Маменька, милая маменька, наверняка захочет увидеть его картины, которых нет. С тяжёлым сердцем возвращался Павел Сергеевич домой.

Анна Дмитриевна с матерью и дочерью пили чай на веранде. Мария в последнее время была молчалива и грустна. Вот и сейчас она отстраненно смотрела по сторонам не вступая в разговор. Пока мать с бабкой обсуждали последние светские новости, Мария думала о том, что всё в этой жизни суета и томление духа.

– Кто это к нам приехал?, – удивилась Наталья Михайловна, заслышав стук копыт у ворот, – Глаша, пойдй посмотри.

Девушка побежала к воротам. Из кареты вылезла старуха.

– Ах, бабушка, ты вернулась, – девушка бросилась в объятия Дарьи.

– Ты смотри какая мамзеля нас встречает, – плотоядно оглядывая фигурку девушки, хмыкнул Павел.

Глаша смутилась, покраснела, в поклоне опустила голову.

– Добро пожаловать, барин.

– Павел, сыночек мой дорогой, – бежала навстречу Анна Дмитриевна.

Слезы, объятия, смех, шумно и радостно встречали любимого сына и внука. И только Мария равнодушно смотрела на одетого по последней моде брата.

– Ну здравствуй, Павел. Тебя не узнать, – сухо сказала она.

– Здравствуй, сестрёнка. Да ты совсем уже невеста. Уже и жениха тебе наверно присмотрели.

Мария ничего не ответила, только хмыкнула в ответ.

– Потом, потом поговорите вволю, – сказала Анна Дмитриевна, – Павлуше с дороги надо испить чаю. Глафира, принеси Павлу Сергеевичу прибор.

Павел не отрывал взгляда от девушки, пока та трясущимися руками разливала чай.

– А вот во Франции, в некоторых домах со свободными нравами, господа пьют чай за одним столом с прислугой. – беря под локоть Глашу, сказал он, – Как ты на это смотришь, красавица?

– Барин, да что вы?, – девушка густо покраснела и убежала.

– Павел, что за манеры, – строго посмотрела Наталья Михайловна.

Глава 3

Павел лежал на кровати в своей комнате, когда к нему вошла мать.

– Ах, Пашенька, наконец-то мы можем побыть вдвоём, – сказала она присаживаясь на край кровати, – Ну расскажи же мне о своих успехах в живописи. Покажи свои работы, мне так не терпится их увидеть.

Павел встал, нервно заходил по комнате.

– Маменька, ну что вы на меня набросились с дороги. Люди искусства, это очень ранимые и непредсказуемые люди. Не нужно лезть художнику в душу, пока он сам не впустит вас туда.

Анна Дмитриевна с восхищением смотрела на сына. Художник, это слово было для неё сравнимо с именем святого. Она верила сыну, и не сомневалась в его словах ни на секунду.

– Конечно, дорогой, я не буду лезть к тебе в душу. Отдыхай милый до ужина.

Она встала, вышла из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Павел был рад избавиться от матери. Глядя в окно он заметил Глашу, которая с корзиной на локте бежала на речку полоскать бельё. Он быстро сбежал вниз, бросив на ходу матери и бабке:

– Пойду до реки прогуляюсь.

Глаша стояла по колено в воде. Юбка была заткнута за пояс, обнажая стройные икры. Она полоскала бельё, время от времени поправляя непослушную прядь волос.

Павел невольно залюбовался стройным станом девушки. Он тихо присел на траву, взял в рот травинку, прищурился, громко сказал:

– Какое чудное виденье в этой глухомани.

Глаша от неожиданности оступилась, едва не упав в воду.

– Барин, вы напугали меня, – сердясь и краснея произнесла Глаша поправляя юбку.

– Прости, я не хотел. Но я художник, люблю всё красивое. А ты, стоя по колено в воде, была божественно красива. Твой стройный стан в лучах полуденного солнца напоминал обнажённую нимфу купающуюся на закате дня. О, прекрасное видение, я хочу написать твой портрет.

Девушка слушала его, то бледнея, то краснея. Она лихорадочно собирала бельё в корзину непослушными руками.

– Барин, вы всё какие-то слова непонятные говорите. Недосуг мне с вами здесь разговоры разговаривать.

Глаша торопливо поднималась по тропинке. Павел, ухмыляясь, смотрел ей вслед.

«Как же легко можно завоевать этих деревенских простушек. А эта Глаша, ну страсть как хороша», – думал он медленно подходя к усадьбе.

Глава 4

Глаша прибежала в каморку, к бабушке Дарье, вся в слезах. Она упала перед старушкой на колени, и, захлебываясь слезами, поведала о сегодняшней встрече. Ей было страшно и горько, она боялась молодого барина.

Старушка гладила внучку по голове, и приговаривала:

– Всё в руках божьих, Бог не допустит, Бог спасёт и твою, и его душу. Проси Бога и Ангела-хранителя о защите. Всё образуется, всё будет хорошо.

Дарья утешала внучку, а сама была напугана больше Глаши. Кому, как не ей, знать нрав своего молодого барина.

Дмитрий Николаевич сидел в кресле, в своём кабинете. Он размышлял о том, что делать с Павлом: позволить ему праздно проводить свои дни он не мог, в роду Гдадышевых не было лаботрясов.

В дверь кабинета тихо постучались.

– Входите, – крикнул Дмитрий Николаевич.

Дарья робко открыла дверь, поклонилась.

– Батюшка, Дмитрий Николаевич, простите меня, старую, что беспокою вас напрасно.

– Ничего, ничего, входи Дарья.

– Благодетель вы наш, Христом Богом заклинаю, не гневайтесь на меня. Но сердце моё болит за Павла. Погубит он душу свою, не ведает он, что творит.

Генерал нахмурился:

– Говори, что этот прохвост натворить успел?

– Проходу он Глашке не даёт. Извел он девку совсем, свет белый ей стал не мил. Приструни ты его, Дмитрий Николаевич. А то не миновать беды.

Этот разговор решил дальнейшую судьбу Павла. За ужином Дмитрий Николаевич объявил о своём решении, направить внука в пехотные войска, солдатом.

Сколько слёз было пролито, сколько заламываний рук пережито, но генерал был непреклонен. И каким бы Павел ни был независимым, но перечить деду не стал. Смирненно он принял свою судьбу, и даже нашёл слова утешения для матери.

– Ничего, маменька, ничего. Мы люди подневольные, куда генерал прикажет, туда и пойдём.

На рассвете, в усадьбе Гдадышевых, было трогательное прощание.

Наталья Михайловна перекрестила внука образом Георгия Победоносца.

Мать, утирая слезы, повесила на шею Павла золотой образ Богородицы, и просила не забывать своих художественных способностей.

А дед смотрел на эту суету, и не мог сдержать раздражения.

– Бабы, одним словом бабы. Тьфу, пропасть.

Карета увозила Павла Сергеевича в новую жизнь.

Глава 5

Павел уехал, и в усадьбе стало снова тихо. Наталья Михайловна проводила свои дни в разговорах с дочерью, которая изо всех сил стараясь не показывать своей материнской тоски. Сердце матери болело за любимого сына, с которым его разлучили насильно. Но она смирилась, значит так и должно быть, Павлуше это пойдёт на пользу.

Мария была по-прежнему молчалива и задумчива. Она, если не была в церкви, то сидела в саду с книгой. Библия и Жития святых, вот что её сейчас интересовало. Если она заводила разговор, то он непременно сводился к спасению души и бренности нашего мира.

Одна её фраза очень беспокоила мать.

– Я не вижу смысла в праздности своей жизни. Никакой пользы я не приношу, ни людям, ни Богу. Монахини хотя бы молятся днём и ночью о спасении душ, – говорила Мария, прижимая Библию к сердцу.

Анна Дмитриевна поделилась было с матерью своими опасениями, но та заверила её, что это всё пустоте, переберется мол.

Начали присматривать для Марии жениха, но выбор был не в пользу последних. Девушка вела очень замкнутый образ жизни, и если удавалось уговорить её навестить кузину Ольгу в городе, то после этих визитов Мария замыкалась ещё больше. Разговоры о замужестве её не столько смущали, сколько приводили в раздражение.

– Папенька, ты знаешь, я очень беспокоюсь за Марию, – поделилась своими опасениями Анна.

Дмитрий Николаевич отложил газету, внимательно посмотрел на дочь.

– Да? Мне казалось, что кто-кто, но Мария доставить беспокойства не может. Она не Павел.

– Ах папенька, ну что вы так о Пашеньке, – сдерживая слезы, говорила Анна.

– Ладно, это всё пустоте. Так что Мария? Чем она тебя беспокоит?

– Она очень часто говорит о монастыре. Не собралась ли она постричься.

Дмитрий Николаевич очень любил внучку. Ему нравилось вечерами, сидя на веранде, и слушая соловьев, беседовать на разные темы. Гюго, Достоевский, Толстой, её любимые авторы. Они могли часами обсуждать «Отверженных» Гюго, и Дмитрий Николаевич не переставал удивляться аналитическому уму внучки.

Новость о монастыре не удивила генерала, а скорее наоборот. Ему стало не много грустно от того, что уйдя Мария в монастырь, ему и поговорить будет не с кем в собственном доме.

Глава 6

Прошёл месяц. Наступило лето. Цветущую сирень сменило цветение липы. Усадьба Гладышевых тонула в аромате липового цвета.

С утра царила суета. Глаша бегала с половой тряпкой из комнаты в комнату. Наталья Михайловна суежилась на кухне, раздавая кухарке указания:

– И главное изюма не клади, Иван Борисович, страсть как его не любят.

Иван Борисович Котиков отставной генерал, старинный приятель Дмитрия Николаевича, возвращался с Кавказа в своё родовое поместье.

Эх, будучи молодыми гусарами, каких только вольностей они не творили. Дмитрий Николаевич сидел в своем кабинете, и мечтательно улыбался, вспоминая молодость.

«Иван, Иван, я помню, как ты в карманы моего выходного мундира насыпал козьего помета», – смеялся, своим воспоминаниям Гладышев.

К воротам усадьбы подъехала карета, из неё вышел моложавый генерал Котиков, и молодой человек.

Приятели шумно приветствовали друг друга:

– Иван, ты всё такой же франт, воздух Кавказа пошёл тебе на пользу, – хлопая друга по спине, говорил Дмитрий Николаевич.

– Ты мне льстишь дружище, я старый, больной человек. – смеялся Котиков, – Кстати, разрешите вам представить, мой племянник Петр Казимирович Ляпишев.

Молодой человек поклонился, украдкой бросив взгляд на Марию, которая тоже с интересом посматривала на него.

Обед прошёл в оживлении. Генералы вспоминали молодость, дамы смеялись остроумным шуткам Ивана Борисовича. А в это время, между двумя сердцами, зарождалось нечто доселе им неизвестное. Мария, впервые за долгое время, позабыла свою меланхолию, и звонко смеялась вместе со всеми. Пётр не отводил от девушки зачарованного взгляда.

Время до вечера пролетело незаметно, пришла пора прощаться.

Иван Борисович взял под руку Дмитрия Николаевича, и отвёл в сторону.

– Друг мой, – говорил он вполголоса, – ты заметил, как наши голубки смотрели друг на друга?

– Заметил, конечно заметил, и дай Бог, чтобы это нам не показалось, – улыбнулся глава дома.

Прощаясь с Петром, Мария, слегка покраснев, пригласила его с дядюшкой к воскресному обеду.

– Непременно приду, с превеликим удовольствием, – ответил Петр, целуя руку девушки, при этом слегка сжав её пальчики.

Глава 7

Пётр стал частым гостем в усадьбе Гдадышевых.

Мария изменилась до неузнаваемости, что не могло не радовать мать.

Анну смущала тяга дочери к размышлениям и книгам. Она считала, что женщине не престало выпячивать свой ум напоказ, это пугает мужчин. Сама она, будучи молодой девушкой, предпочитала прятать свои умственные способности, напуская на себя слегка легкомысленный вид.

Но Мария была бунтаркой, в мужчинах ее привлекал прежде всего интеллект.

Пётр учился на последнем курсе медицинского университета. Это был умный, целеустремлённый молодой человек. Слегка амбициозный, но молодости простительны амбиции, которые подталкивают молодых людей к действиям.

У молодых людей оказались схожие взгляды на жизнь. Они оба стремились приносить пользу обществу. Пётр делился своими мечтами:

– Не знаю, поймёте ли вы меня, Маша, но я мечтаю лечить простых людей. Крестьян и рабочих, этих сырых и убогих, которым недоступна современная медицина. Посмотрите, чем они лечатся, ведь это прошлый век, и антисанитария. От того дети умирают, не дожив до первого года, молодые люди мрут от непосильного труда. Нет Маша, так не должно быть, медицина должна быть доступна всем.

Мария, вспоминая горячие речи Петра, делилась с матерью своими мечтами. Послужить людям, и Богу, вот ее предназначение.

Для двух сердец, живущих одной идеей, лето пролетело незаметно. Мария не переставала восхищаться Петром, все ее мысли, и разговоры были о нём.

Пётр писал Марии письма полные нежности.

«Милая моя Машенька!

Я не перестаю благодарить судьбу, и дядюшку, за нашу первую встречу. Увидев тебя, такую милую, нежную, скромную, я ни на секунду не сомневался, что ты та, которая предназначена мне судьбой. Твой ум, твои стремления мне не просто близки, они перекликаются с моими.

Маша, я давно понял, что люблю тебя. Дни без тебя кажутся вечностью. Будь моей женой, Машенька?!

Навсегда твой Пётр.»

Мария прижимала это письмо к сердцу, и слёзы счастья катились по её щекам.

«Да, да, да, я согласна, я буду твоей женой», – шептала она, беря бумагу и перо, чтобы написать ответ.

Глава 8

Получив от Марии ответное письмо, Пётр незамедлительно прискакал в усадьбу.

Нежные чувства захлестнули молодых людей. Они сидели в саду, который уже дышал осенью, и строили дальнейшие планы на жизнь. Пётр через неделю уезжал на учёбу. Мария обещала ждать, и взяла с него обещание, что он будет писать ей, как можно чаще.

На следующий день была объявлена помолвка, Пётр и Мария стали женихом и невестой. Радостная суэта царила в семье Гладышевых. Наталья Михайловна, с присущей ей основательностью, занялась подвенечным нарядом.

Дмитрий Николаевич старался не показывать, но он был безмерно счастлив за Марию. Пётр показался ему разумным, и надёжным молодым человеком, с многообещающим будущим.

Наступили промозглые, осенние дни. Усадьба погрузилась в осеннюю меланхолию. Наталья Михайловна с дочерью готовили приданное для Марии.

В один из осенних вечеров, когда вся семья сидела в гостиной у камина, посыльный принёс письмо.

В письме сообщалось, что Павел Сергеевич Урядникова был помещен в госпиталь. Родным рекомендовалось приехать, ибо воспаление лёгких протекало в тяжёлой форме.

Анна, услышав эту новость, изменилась в лице. Позабыв своё рукоделие она бросилась к отцу, и стала его умолять немедленно ехать к Павлуше. Дмитрий Николаевич был обеспокоен не меньше дочери, но поездку решил отложить до утра.

Эта ночь Анне далась тяжело. Мария не спала вместе с матерью. Они сидели, перебирали фотографии, и рисунки Павла. Анна каждый рисунок орошала слезами.

– Пашеньке, сыночек родной, как же так, – причитала мать.

– Да полно вам, маменька, ведь живой же он, даст Бог, всё образуется, – Мария пыталась привести мать в чувства.

Едва забрезжил рассвет, генерал велел заложить карету. Семья Гладышевых выехала незамедлительно.

К вечеру прибыли в госпиталь. Без промедления их проводили в палату, где в горячем бреду лежал Павел.

Анна, с рыданиями бросилась к сыну.

Отдав кое-какие распоряжения, генерал велел перевести внука в усадьбу.

Вторую неделю Павел был без сознания, борясь с жестокой болезнью. День и ночь у его постели сидела Дарья, вознося молитвы Пресвятой Богородице.

Глава 9

– Софи, Софи, прости... Сын, Софи, прости, – бредил Павел.

Анна протираала лоб сына влажной салфеткой. Она потеряла покой и сон, то и дело заходила в комнату, шёпотом справлялась о самочувствии Павла, и потом долго сидела у его кровати.

Спустя неделю кризис миновал, горячка спала, и Павел стал приходить в себя. Первым делом он попросил перо и бумагу. В руках ещё чувствовалась слабость, но он должен был написать письмо.

«Милая моя Софи!

Простишь ли ты меня? Захочешь ли видеть? Значу ли я что-то в твоей жизни?

Эти вопросы не дают мне покоя. В моей душе случился переворот, и мысли о тебе, и нашем ребёнке не дают мне покоя.

Мне снился наш сын. У нас же сын, да?

Милая моя крошка Софи, я скоро приеду к тебе.

Твой Павел».

Когда Павел окреп, и доктор разрешил вставать, у него состоялся разговор с дедом. Дмитрий Николаевич слушал внука молча. Его не удивила новость о том, что где-то в Париже, живёт незаконнорожденный отпрыск Гладышевых-Урядниковых, но очень удивило намерение Павла. Генерал был категорически против того, чтобы внук женился на французской танцовщице. Но поддержал желание Павла оказывать материальную помощь.

В сопровождении преданной Дарьи, Павел, прибыл в Париж. Остановился он на той же квартире, где жил раньше. Воспоминания о былых кутежах всколыхнули сердце, но образ Софи ясно стоял перед глазами.

С большим трудом, но ему удалось найти след Софи. Она вынуждена была оставить работу танцовщицы, и переехать к родителям, в деревню.

Со страхом и трепетом Павел ехал в эту деревушку. Как встретит его Софи, родился ли сын, или вот-вот должен родиться: эти, и ещё рой вопросов крутились в его голове.

Но его опасения были напрасны. Переступив порог дома, Павел увидел маленькую, сухонькую старушку, сидящую у колыбели.

Софи родила дочь раньше срока, и прожив всего неделю, скончалась, так и не оправившись после родов.

Павел стоял у колыбели малютки, слёзы горя и умиления катились по щекам. Старушка жаловалась молодому барину, что дитя очень слаба, а у неё нет денег на врачей и кормилицу. Не долго думая Павел высыпал на стол горсть серебряных монет, и ушёл.

Глава 10

Павел долго не шёл на квартиру. Он бродил по старым улочкам Парижа, не замечая ничего вокруг. Все его мысли остались там, в бедном домике, где в колыбели лежала его дочь.

Неземное создание, белокурый ангел, этот дар небес, была как две капли воды похожа на мать. Образ Софи, личико дочери, всё перемешалось. Он, Павел Урядникова, до сего часа проводивший жизнь беспечную и бессмысленную, теперь стал отцом.

«Отец, я отец», – думал он ныряя из одного переулка в другой.

Улыбка и слёзы, радость и отчаяние, сменяли друг друга. Не чувствуя усталости он вернулся на квартиру.

– Дарья, дорогая моя старушка. Поймёшь ли ты меня, не осудишь ли своего лоботряса, – говорил он.

В воодушевлении он ходил по комнате, и рассказывал Дарье всё, что творилось у него на душе. А творилось там так много, и так сумбурно, что он сам не мог разобраться.

Он был счастлив от того, что стал отцом, и тот факт, что это ребенок незаконнорожденный его не смущал. Его безумные мечты уносили его далеко вперед. Он видел свою дочь благородной красавицей, а себя ревнивым отцом, хранящим честь дочери.

– Ах, Дарья, она такая красивая, такая милая, суший ангел, – улыбался Павел, вспоминая малышку.

В эту ночь ему было не до сна. Он лежал с открытыми глазами, и думал, как быть дальше. Без сомнения, дочь будет жить с ним, и будет носить его имя. Как примет эту новость дед? Наверняка будет скандал. Ну и пусть, он будет жить в отцовском имении, доставшимся ему по наследству. Маменька конечно же поедет с ним, она поможет воспитать дочь благородной девицей.

Много чего передумал Павел за эту ночь. И едва забрезжил рассвет он встал, заглянул в каморку Дарьи. Той тоже было не до сна, она сидела перед зажженной лампадой.

Павел решил перевезти дочь к себе. Дарья занялась поиском кормилицы, а он поехал в деревушку, переговорить с матерью Софи.

Новость о том, что благородный барин хочет забрать внучку, нисколько не опечалила старую женщину. Ей не по силам было поднять болезненного ребёнка. У неё была только одна просьба, она хотела, чтобы ей хотя бы изредка писали о девочке.

Глава 11

Как и предполагал Павел, переполох в усадьбе случился не шуточный.

Дед рвал и метал, виданое ли дело, чтобы Гладышевы воспитывали незаконнорождённых. Он кричал, что лишит Павла наследства, и выгонит его с глаз долой. На что Павел отвечал, что он и сам будет рад убраться из дома, где его никогда не понимали.

Анна металась как раненая тигрица в клетке, между отцом и сыном. Сама для себя она давно решила, куда Пашеньке, туда и она. Имение мужа, доставшееся ей после его смерти, давно пустовало, но благодаря преданному управляющему приносило не малый доход.

А маленькая Софья, Павел решил назвать дочь в честь матери, ютилась в каморке Дарьи. Благодаря кормилице, и неустанным молитвам старушки, девочка крепла на глазах.

Анна, в тайне от отца, чтобы лишний раз его не гневить, приходила в каморку.

– Посмотри, Дарья, у неё золотые локоны, но чёрные глаза, как у Пашеньки, – улыбалась она, глядя девочку по щеке.

Впервые в жизни Анна проявила твёрдость сообщив отцу о своём решении: она и Павел, возвращаются в имение Урядниковых. Дмитрий Николаевич принял это известие с военным спокойствием.

– Ну что ж, это твоё решение, и я не буду ему препятствовать, – сказал он.

В срочном порядке был вызван старый Архип, управляющий имения в селе Высоком. Были подписаны все бумаги, Дмитрий Николаевич снимал с себя обязанности опекуна, и передавал бразды правления дочери, законной владелице.

Месяц прошёл с тех пор, как Павел с дочерью поселился в имении отца. Он изменился до неузнаваемости, что радовало и приводило в замешательство мать. Она не оставляла надежды, что Павел возобновит свои занятия живописью, но тот серьезно решил заняться имением.

Дни напролет проводил Павел в обществе Архипа – слушал, спрашивал, что-то записывал в блокноте.

«Имение должно расти и процветать, ради моей маленькой Софи», – думал Павел объезжая свои владения.

Софья росла не по дням, а по часам, деревенский воздух, и всеобщая любовь шли малышке на пользу.

Глава 12

Пётр окончил институт, получил диплом и распределение на место службы земского врача. Как и мечтал, он будет лечить простых людей, для которых медицина недоступна.

Свадьбу Петра и Марии сыграли в августе. Невеста была ослепительно красива и сияла от счастья. Гордый и важный Дмитрий Николаевич вёл внучку под венец.

– Пётр, берёшь ли ты в жёны рабу Божью Марию, и обещаешь жить с ней в горе, и в радости, в богатстве, и в бедности, пока смерть не разлучит вас?

– Да.

– Мария, берёшь ли ты в мужья раба Божьего Петра, и обещаешь жить с ним в горе, и в радости, в богатстве, и в бедности, пока смерть не разлучит вас?

– Да.

Отшумели торжества, гости разъехались по домам, молодожёны уехали в свадебное путешествие по Европе. Тихо и пусто стало в усадьбе Гладышевых.

– Друг мой, что же нам теперь с тобой делать, – обратилась к супругу Наталья Михайловна за вечерним чаем.

– Жить милая, тихо, по-стариковски жить, – грустно улыбаясь ответил Дмитрий Николаевич.

Так они и жили, тихо, мирно, и не много грустно.

После путешествия, Мария и Пётр, поселились в уездном городке, в маленьком, уютном домике. Мария писала деду восторженные письма, она была поглощена работой мужа, и стала ему верной помощницей. Дмитрий Николаевич гордился внучкой, но очень скучал по своей любимице.

Осенними вечерами старики Гладышевы сидели у камина. Наталья Михайловна занималась рукоделием, Дмитрий Николаевич читал.

– Как там Аннушка? После свадьбы и не видели её. Может как-нибудь навестим её? – с надеждой в голосе, обратилась к мужу Наталья Михайловна.

Дмитрий Николаевич отложил книгу, некоторое время молча смотрел на огонь в камине.

– Да, я давно думал, и о ней, и о Павле. Не хорошо это, не правильно. Прав был Павел, а я старый дурак. В груди этого своевольного мальчишке бьётся благородное сердце. И ты знаешь, Наташа, я наверно до конца дней своих презирал его, если бы он поступил иначе.

Погожим, осенним днём старики Гладышевы отправились в усадьбу Урядниковых. Перед этим не мало поспорили о подарках: бабушка настаивала на кукольном домике, а дед непременно хотел подарить правнучке коня. В итоге везли и то, и другое.

Эпилог

Шесть лет минуло с тех пор, как старики Гладышевы отправились в усадьбу Урядниковых. Нежной и трогательной была встреча деда и внука. Каждый из них, в своей непримиримости и непокорности, почерпнули один от другого уроки жизни. Павел был благодарен деду за то, что тот своей непримиримостью подтолкнул к действиям, которые в корне изменили его жизнь. Дед, в свою очередь, благодарил внука за проявленную твердость и благородство.

Два года назад умерла Наталья Михайловна. Умерла тихо, во сне, оставив после себя тёплые воспоминания, и тоску в суровом сердце генерала.

У Петра и Марии родились близнецы, Митя и Коленька. Каждое лето они гостили в усадьбе, наполняя пустой дом детским смехом.

У Дмитрия Николаевича не было никаких развлечений, кроме поездок к Анне и Павлу, которые он предпринимал каждую субботу.

– Митька, паршивец ты такой, не гони так, – кричал генерал юному конюху, который катал маленькую Софью на пони.

– Вот же бесовская коняка. И чего вдруг Павлу взбрело в голову этого карлика приобрести, – бурчал Дмитрий Николаевич, зорко смотря, чтобы Софья не упала.

– Папенька, ну что вы, право слово, для ребенка самая подходящая лошадка, – смеялась в ответ Анна.

Кусты жасмина окружали усадьбу Урядниковых источая дивный аромат.

Отец и дочь сидели на террасе, и каждый из них был счастлив общим счастьем.

– Семья – дружная, единая семья, это ли не счастье, – думал каждый из них.

– Бабушка, деда, смотрите как я быстро скачу, – кричала Сонечка, весело махая ручкой.

Дмитрий Николаевич улыбался, смотрел на небо, и думал:

«Господи, пожить бы ещё, чтобы увидеть, как эта егоза замуж выходит. А потом и умереть будет не жаль».

**БРЮЛИНА
ЕЛЕНА**

@KONSTELLA

Брюлина Елена
«Жизнь вопреки»

Краткое содержание

Представьте, каково это ребенку – остаться без мамы. Особенно, если это маленькая девочка и ей всего 6 лет. Кажется ей, нет ничего страшнее этого. Но тяжелые испытания только начинаются. Неизлечимое заболевание обещает сделать из нее инвалида. Прогнозы врачей неутешительные.

80-90-е годы 20 века. Нормальных средств для жизни с заболеванием нет. Чувство неполноценности, ощущение себя неудачницей, никому не нужной, некрасивой, глупой. Девочке надо расти, преодолевать трудности, бороться за свое счастье. А порой ей вообще не хочется жить.

Конечно, у девочки есть семья: папа, бабушка, дед, старший брат. У каждого с ней свои взаимоотношения. Но кто из них может заменить маму? Кто может понять, каково это, быть не такой как все? У них своя жизнь, своя история, свои беды и радости.

Бабушка сильный, властный человек. Нет, она, конечно, любит внучку, но на фоне внука эта любовь своеобразна. Все время сравнивает девочку с собой, ее жизнь со своей. Жизнь бабушки не простая. Пережила войну, стала врачом. Второй раз вышла замуж за парня на 15 лет моложе ее. Бабушка-то и спасает девочку от смерти.

Родители девочки дружили еще со школы. Мама – добрая нежная. Ей 36. Она тяжело болеет. Больница. Операция. Смерть.

Папа души не чает в дочери. Особенно после того, как она заболела. Бросает работу, чтобы быть рядом с больным ребенком. Он нежен и ласков с дочерью. Но характер его не простой. Жесткий, целеустремленный, категоричный. Он единственный верит в дочь, в то, что она нормальный человек. Он снова женится.

Но жена отца не стала близким человеком. А девочке так нужна была мамина любовь, внимание. И чуть позже – ребенок, чтобы стать мамой и самой дарить эти чувства. Она даже готова взять малыша из детского дома. Но жизнь распорядилась по-своему.

Пролог

Под утро Виктор проснулся с головной болью. Не то чтобы много вчера выпили. Но было дело. День рождения друга отмечали. Он встал, прошел на кухню, попил. Из комнаты вышла мать Виктора.

– Витя, ты чего в такую рань поднялся? – спросила она. – Отоспаться бы тебе надо.

– Да сон один мне покоя не дает, – отвечает Виктор. – Снится мне Наташа. Придет и стоит. Смотрит так грустно. Молчит. По щекам слезы бегут. А вокруг все серое, мрачное. Выть охота. И так жутко становится. И вроде сказать она мне что-то хочет, да я тут и просыпаюсь.

– Ох, сыночек... – пожилая женщина грузно опустилась на край кровати. – Не хороший сон-то какой. И давно он тебе снится?

– А вот как сорок дней отметили, так и снится все это время. Пять месяцев уже. Почти каждую неделю.

Мать и сын помолчали. Потом мужчина тихо сказал:

– Виноват я перед ней, мама. Ох, как виноват.

Через неделю Виктор отвез детей в деревню. К матери и бабушке жены. Вернувшись в воскресенье к полуночи. Выпил рюмку и вырубился от усталости. Жена пришла как всегда, на рассвете. Она стояла в комнате. У изголовья кровати. Бледная. Растрепанная. В клочьях серого тумана. Молчала.

Мужчина от неожиданности вскочил с кровати. И они оба оказались на заводе, так похожим на тот, где сейчас он работал. Только заброшенный и полуразрушенный. Жена манила его за собой. И наконец, проговорила:

– Витенька, мне здесь так плохо. Одиноко и холодно. У тебя есть мать, друзья, дети. А у меня никого нет.

– Наташа...

– Витя! Зачем тебе двое детей? С ними тебе будет тяжело. А мне будет не так одиноко, если ты мне кого-то отдашь.

– Ты что, Наташа?

– Прошу тебя, отдай мне дочь. Отдай мне Лену.

Виктор сам не понял, как в руках у него оказалась метла.

– А ну, уходи! Никого я тебе не отдам.

И выгнал жену, выметая за ней пыль и туман. Больше она ему не снилась. А месяц спустя, он стоял у дверей реанимации. За ними умирала дочь.

– Наташенька, прости меня. Только не забирай ее.

Глава 1

Бабушка нервничала и ходила за папой по пятам, чуть не плача.

– Витя, я тебя умоляю, не надо ехать на юг, – бабушка чуть не плакала, – дорога сложная, Наташа так кашляла весной. Да и дети маленькие.

– Мы уже не маленькие, – встряла я. Мечта поехать на море вот-вот должна была сбыться.

– Мы уже все решили! – твердо сказал папа. – Машина готова. Завтра в пять утра выезд.

– Ура! – завопила я. Брат отозвался мне таким же кличем из комнаты.

Бабушка была категорически против нашей поездки. И до последнего дня пыталась отговорить родителей. Она имела большое влияние на всех нас, и обычно ее все слушались. Но не в этот раз.

Родители давно планировали наше первое семейное путешествие к морю. Автомобиль прошел доскональный техосмотр. Было закуплено все необходимое. Нам с братом купили ласты, маски, трубки. Маленький белый домик под фруктовыми деревьями ждал нас в Крыму.

На всю жизнь остались в памяти эти счастливые дни. Солнце, море, мама. Вся семья вместе. И впереди только счастье. Мы объехали на папином желтом «жигуленке» почти весь полуостров. И не заметно наступила пора возвращаться.

Кирюха пошел в четвертый класс, а я – последний год – в детский сад. Мама вернулась на свою работу. Мы уже были большие, и сидеть с нами дома не было необходимости.

Мама была инженером и работала с чертежами. Чтобы быть поближе к нам, ей пришлось устроиться в сад уборщицей. А по ночам она доставала кульман, миллиметровую бумагу и чернильницу. Чертить надо было перьевой ручкой.

Их роман с отцом начался еще в школе. Мама была милой, нежной, женственной. У нее были поклонники, но она была влюблена в Виктора. Он был красивым парнем. За ним толпами бегали девчонки, и Наташа ждала. Они закончили школу. Вместе отучились в институте, получили дипломы. Их отношения не менялись.

Как-то зимой Наташа пришла на встречу к Виктору грустная.

– Что случилось? – спросил он.

Наташа молчала. Парень обнял ее и прижал к себе.

– Ну, что ты моя хорошая?

– Витя, я устала, не могу больше, – заплакала девушка.

Весной им обоим исполнялось по двадцать пять. Наташа жила с родителями и младшим братом. А ей уже так хотелось свою семью, свой дом. Виктор это понимал. Он не был уверен в том, что по-настоящему любит ее. И вообще не думал о женитьбе. Но сказал:

– Наташ, у тебя паспорт с собой?

Она кивнула, всхлипывая.

– Поехали.

Он поймал такси.

– Грибоедовский Дворец бракосочетания.

– Едем! – отозвался таксист.

Так мои родители подали заявление.

Свадьба была в ресторане «Пекин».

– Красивая была у нас свадьба, веселая, – вспоминает папа. – Время летит быстро, и уже через полтора года мы стали родителями. Когда Кирюхе было два с половиной года, мы узнаем, что к маю снова будет малыш. Мы с Наташей хотели второго сына. Она и имя ему придумала –

Егор. Все врачи и знакомые уверяли, что по всем признакам – мальчик будет. И только Бабуля уверяла, что дочка. И была категорически против этого мужского имени.

Середина апреля. Мы только что отметили тридцатилетний юбилей Наташи. И она поехала в роддом.

В понедельник, в обед, мне звонят из роддома:

– Поздравляем, у вас девочка!

– Как девочка?

– Дочка! Дочка у вас родилась.

– Тьфу ты... ведь должен быть сын!

Так в семье появилась я. Когда папа забирал маму и меня из роддома, врачи строго настроено предупредили: больше сюда не приходите! У мамы были плохие сосуды. Кровотечение чуть не стоило ей жизни.

В ту осень после поездки на юг, мама снова начала кашлять. И уставать. Поднимется на третий этаж, дышит тяжело так. Сядет на стул, откинется на спинку, лицо бледное.

– Что ты, что с тобой, Наташа? – спросила бабушка.

– Ох, Любовь Михайловна, что-то плохо мне, почти шепотом ответила мама. – Как же умирать не хочется!

– Ну что ты говоришь? Давай-ка я тебя послушаю.

– Да меня же в сентябре обследовали, – тихо отвечает мама, а сама уже идет раздеваться.

Со свекровью спорить бесполезно.

Я сижу тихо-тихо, пока бабушка переставляет стетоскоп по маминой груди.

– Да что же это такое? – воскликнула бабушка. – Сердце не слышу.

Она побледнела и приняла таблетку нитроглицерина.

– Ну что, сколько мне жить осталось?

На следующий день отец отвез маму в больницу. Очень хорошую. Бабушка подняла все свои связи. Она понимала, что дело серьезное. Вот только не предполагала на сколько.

Глава 2

Бабушка была очень опытным врачом-педиатром. Она просто не могла не услышать сердцебиение, будь то ребенок, или взрослый. И, конечно, она его услышала. Но звук маминого сердца был таким слабым, что все внутри оборвалось. Она договорилась с главным врачом больницы МПС. И в очередной раз порадовалась, что когда-то поступила в медицинский институт.

Да, это была случайность. Люба мечтала о сцене. Играла в школьном театре, прекрасно пела. Ее яркая красота сводила мужчин с ума. Ей все пророчили карьеру актрисы. Но война нарушила все планы.

22 июня 1941-го было воскресенье. Люба с мамой и тетушками отправились в баню. Выйдя из нее, они не узнали знакомые улицы. Оружейный переулок, Малая Дмитровка и родная Садово-Каретная были заполнены толпами людей. В магазины стояли километровые очереди. В воздухе тяжелым свинцом повисло слово «война».

– Мама, что теперь будет? – спросила Люба.

– В Омск, к тете Вале, поедem.

– Мам, мне же поступать надо.

– Потом поступишь, – отрезала мать.

Люба уехала в Омск с семьей и подругой. Все лето и сентябрь 17-тилетние девчонки работали на комбайнах. Почти без сна и перерывов на еду. Фронту нужен был хлеб. А в октябре Люба узнала, что в Омск эвакуировался из Москвы театр Вахтангова. «Была — не была», решила девушка и отправилась пытаться счастье. Вдруг возьмут.

Но по дороге, на улице Ленина, увидела объявление, что идет прием студентов в Московский 2-й Медицинский институт. Она зашла. Да так и осталась там. Никаких экзаменов не сдавала. Показала свой аттестат, где были одни пятерки, паспорт с московской пропиской. И на следующий день пришла на лекции. Там она познакомилась со своим будущим мужем.

Лев и Люба поженились и закончили институт уже в Москве. У них родились два сына с разницей в полтора года. Оставив старшего на бабушек, уехали с младшим по месту службы отца. Это был военный госпиталь на китайской границе, в поселке Отпор.

Целый год Люба провела вдали от сына, без друзей. Вернувшись в Москву, устроилась участковым педиатром в своем районе. И отказалась уезжать с мужем.

Жили они тогда на Садовом кольце. Как-то ее вызвали к очень тяжелому ребенку. Девочка была при смерти – корь. Люба ее выходила. А спустя тридцать лет, уже работая на севере Москвы, раздался звонок. Это звонила бабушка той девочки, тоже врач – детский офтальмолог. Любовь Михайловна к тому времени уже возглавляла поликлинику и больницу, которую планировала и строила сама. То есть, конечно, кирпичи она не клала. Но в больнице все было сделано так, как она хотела.

– Любочка Михайловна, здравствуйте! Это Нина Васильевна, бабушка Нади. Ну, помните девочку с корью. Мы в Козицком переулке жили.

– Да, здравствуйте! – она, конечно, вряд ли помнила. Столько детей через ее руки тогда прошло. И сейчас – все тяжелые случаи она брала сама. – Что Вы хотели?

– У Нади сынок младший, Костик, заболел. Ему месяц всего, весь в гнойниках.

– Где вы теперь живете? – уточнила Люба. Она никогда не отказывала в помощи.

Нина Васильевна назвала адрес.

– Это же район моей поликлиники, – сказала главный врач, – буду через полчаса.

У мальчика была тяжелая пиодермия. Вот-вот должен был начаться сепсис. Несколько дней подряд Люба навещала малыша, пока не началось улучшение. Маленький Костик выздоровел.

Бабушка каждый день связывалась с главным врачом больницы, куда перевели Наташу для операции. У нее нашли миксому предсердий. Редкое и тяжелое заболевание. Опухоль, которая требует немедленного вмешательства.

Операция прошла удачно. Но мама так и не вышла из комы. Через три дня начали падать показатели крови. Врачи решили, что шов на сердце разошелся. И забрали на повторную операцию. Но она оказалась напрасной. Дело было в другом. Стенки сосудов не выдержали действия разжижающих кровь препаратов. Диффузное кровотечение остановить не удалось.

В то утро бабушка позвонила в реанимацию в 7 часов. Она услышала металлический звук убираемых инструментов и все поняла.

– Любовь Михайловна, вам надо приехать...

Я уже проснулась, когда бабушка вошла к нам с отцом в комнату. Папа сел на кровати.

– Что? – шепотом спросил он.

Она кивнула и что-то тихо произнесла. Отец уткнулся лицом в подушку. Я ничего не поняла. Для меня мама была еще живой.

Глава 3

День, когда мамы не стало, я помню хорошо. Папа оставил нас дома. После завтрака он собрал нас в большой комнате и сказал:

– Сегодня...

– Не лазить на подоконник? – весело спросила я из-за занавески.

– Сядь со мной, Лена, – как-то тихо и медленно произнес отец.

Я села в кресло. Повисла тягостная, ощущаемая всем телом, тишина.

– Сегодня, ребята, умерла ваша мама, – глухо промолвил папа, и я сразу заплакала.

Мне было шесть с половиной лет, я все сразу поняла. Брат уже знал об этом. Бабушка сказала ему утром. Он в этот момент читал, а узнав, точно как отец, уткнулся в подушку и заплакал. Теперь плакала я. Кира увел меня в свою комнату. Он достал новенькую немецкую железную дорогу, к которой и прикасаться-то мне было им запрещено. Теперь брат был готов отдать мне ее, чтобы отвлечь. Но мне она была не интересна. Больше из взрослых со мной никто не разговаривал на эту тему.

Скоро дом стал наполняться людьми. И нас отправили к родственникам. Я весь день плакала и просилась к маме. Мне хотелось, чтобы меня обняли и поговорили. Жена маминого брата, тетя Оля, как могла, пыталась это сделать. Но помимо меня, ей надо было следить еще за Киркой и Анютой – нашей двоюродной сестрой.

На похороны нас не взяли. Я просила, умоляла. Даже припомнила, что папа не взял меня к маме в больницу перед операцией. Это был последний раз, когда я могла увидеться с ней. Но папа был не приклонен. Я долго страдала от того, что не смогла проститься с мамой.

Но может, папа был прав. Похороны 36-тилетней женщины – тяжелое испытание. Проводить Наташу в последний путь пришло очень много людей. Одноклассники и сокурсники, коллеги по работе, друзья, родственники. Говорили речи, плакали. Ее все любили. Особенно ее бабушка, мать отца, Анна Алексеевна, а для нас просто Бабуля.

Жизнь Бабули была не простой. Росла в деревне в большой семье, четверо своих, да двое приемных. В 7 лет ее отдали в няньки – барчука нянчить. Родных несколько лет не видела. Вернулась, трудилась на земле, не разгибая спины.

Полюбился ей паренек. Да только родители другого сосватали. Павел был хорош. Работящий, руки золотые, все делать умел. «Стерпится, слюбится» – напутствовала мама. Друг за другом родились сыновья Борис и Виктор. Тяжелое время было – голодное. Пережили с Божией помощью и благодаря трудолюбию Анны и ее супруга.

Но болеть Анна стала, голова кружится, обмороки. Ей врач посоветовал родить. Перед самой войной родилась дочка Рая. Мать поправилась. Да вот беда – родилась девочка с вывернутыми ножками, ходить не сможет. По врачам ездили, да все впустую. Павел сам ей ботиночки сделал, в которых стопы выпрямлялись. В них девочка пошла.

Тут война. Павла не взяли по здоровью. Виктор стал шофером, перевозил военную технику. Борис ушел в пехоту. Он погиб в Ржевской мясорубке в марте 42-го. Виктор вернулся, женился на веселой девушке Нине. Вскоре у них родилась дочка Наташа. Анна и с мужем души во внучке не чаяли. Правда, Павлу нянчить Наташеньку долго не пришлось. Через полгода его не стало, слабое сердце не выдержало.

Наташа была очень привязана к бабушке. Все свои тайны, радости и горести несла к ней. Она была младше своей тети Раи всего на девять лет. Они были как сестры. Когда подросли, на каникулы вместе ездили в деревню. Бабуля очень любила своих девочек. Смерть Наташи была для нее ударом.

Когда уносили гроб, старушка припала к нему, рыдая. Она обнимала свою Наташеньку в последний раз, и никто не мог ее удержать. Ее пришлось оттаскивать, чтобы закрыть крышку. Через полтора года она похоронила и сына.

То, что дома мамы не было, я привыкла, пока она лежала в больнице. Но как же мне было одиноко в душе! Я ненавидела детский сад, потому что каждый вечер дети бежали на встречу мамам, раскрыв объятия. А я стояла и ждала, пока меня заберет брат.

Каждый переживал горе по-своему. Папы вечерами часто не было дома или он был занят делами. Бабушка с дедом тоже работали. Они переехали к нам, чтобы помогать отцу с нами, детьми. Мне же очень не хватало того, чтобы со мной поговорили, обсудили, рассказали о том, что случилось. Я хотела говорить о моем горе, проплакивать его.

– Я к маме хочу! – плакала я.

– Ну, ты же знаешь, она умерла, к ней нельзя, – объясняли мне. Будто я не понимала этого. Мне нужны были любовь и внимание, принятие моего горя. Меня все жалели, успокаивали, отвлекали, как могли. Куда бы я не пришла, все уже всё знали.

– У меня мама умерла, – говорила я, надеясь, что со мной об этом поговорят.

Но взрослые, наверное, не знали, как вести в такой ситуации. И неизменно отвечали:

«Я знаю, малыш. Это грустно». Или «Да, Леночка, мы знаем, очень жаль твою маму».

И горюшко ушло внутрь меня: на людях все было нормально, но в душе я продолжала горевать. Возможно, это состояние и запустило аутоиммунный процесс. Он медленно, но верно начал хозяйничать в моем организме задолго до постановки диагноза.

Глава 4

#. По выходным нас с братом забирала бабушка Нина. Она жила с сыном, дядей Колей, его женой Ольгой и внучкой Аней. Мы гуляли с ними в парке Покровское-Стрешнево. Зимой катались на горках, весной мерили лужи.

Я была неуклюжей и часто попадала в передраги. Если Кира с Аней решили проверить крепость льда, то я обязательно проваливалась в лужу.

Мокрую, замерзшую меня отводили домой к тете Оле, которая варила для нас обед. Вот где я уже давала волю чувствам и плакала от души. А она пыталась меня отогреть, пожалеть и успокоить. И натянуть на меня хоть что-то из вещей худенькой Анюты.

Весной я стала сильно уставать. На прогулках мне все время хотелось посидеть на лавочке. Меня при этом, конечно, стыдили.

– Ну, что ты опять сидишь, как старая бабка? Вон брат с сестрой прыгают, бегают и скачут.

Мне было стыдно, обидно, но сил на беготню не было.

– Я устала, бабушка, – ныла я всю дорогу.

На одной из прогулок я протерла попой все лавки. Еле ползла от скамейки до скамейки. Усевшись, не могла встать, даже когда голодные родственники торопили меня на обед. Усталость была первым признаком начинающейся болезни. Но никто не предавал этому значения.

Потом был май. Тепло. Я в детском саду. Мы – дети – только вернулись с улицы и сидели к столу. Нам строго настрого запрещалось пить компот до того, как не опустошим тарелки с супом.

Но вот беда – компот всегда наливали заранее, а суп чуть позже, чтоб не остыл. Смотрю я на прозрачный, такой манящий, компот с янтарной курагой на дне. У меня кружится голова от голода. Руки трясутся, прям ходуном ходят. Наплевав на запрет, хватаю чашку и жадно выпиваю напиток.

Мне становится хорошо и спокойно. Я не помню, ругали меня потом или нет, зато чувство кайфа, когда «отпускает» от трясушки, помню прекрасно. Сейчас так бывает во время гипогликемии.

Тогда же весной в детском саду со мной произошел досадный казус. Мне уже исполнилось 7 лет. На улице я захотела в туалет. Терпела, а потом, когда сил уже не было, попросилась в группу. Воспитательница не пустила. Я бегом за веранду. Но не успела и часть колготок стали мокрыми.

В раздевалке я запихнула их поглубже в сушильный шкаф, трусики постирала и положила на батарею. Но фокус не прошел. Пока мы сидели в игровой на стульчиках, ждали обед, вошел воспитатель. В поднятой руке у нее, как красный флаг, развивались мои обоссанные колготки.

– Это чьи?

Тишина в группе.

– Это чьи колготы? – еще громче спросила она, и посмотрела прямо на мои голые ноги в сандалиях. Лицо мое вспыхнуло. Я вся сжалась. Врать я не умела.

– Мои, – выдавила я.

Все сразу засмеялись, стали дразнить и дергать подол платья. Под ним ничего не было. Мне хотелось умереть на месте.

Наступило лето и по традиции нас с братом и Анюту отправили в деревню с бабушкой Ниной и Бабулей. Сельцо было родиной Бабули. Маленькая деревенька на двух холмах с прудом посередине. За ней бежала речушка Нищенка.

Быстрая и холодная, она стремительно несла свои прозрачные воды. Переходишь вброд, по шиколотку в студёных струях, и виден каждый камушек. Кое-где были запруды и маленькие водопады. А в некоторых местах речка разливалась в темные и глубокие бочаги.

В этих бочагах стояла рыба, и мальчишки чуть ли не руками могли запросто вытащить зазевавшегося голавля или спрятавшегося в норе налима. Возвращаясь из леса, вспотевшие и усталые, мы окунались в эти, почти круглые, озерца. В них вливалась и бежала дальше, журча и звеня, речка Нищенка.

В деревне было раздолье. Мы бегали на речку, ходили за земляникой, купались в пруду, который был виден из окна. Родители приезжали по выходным. Весь вечер пятницы мы ждали их. Иногда забирались на дуб возле дома, откуда просматривалось все поле. За ним, возле пионерского лагеря «Березки» кончался асфальт, и начиналась вездеходка.

Это была широкая глинистая дорога, на которой проходили испытания танки и вездеходы. Недалеко была расположена военная часть. В сухую погоду глина разбивалась специальной техникой, чтобы не было комков. Какое удовольствие шлепать по ней, погружая босые ноги в теплую нежную шелковую пыль. Но зато, если был дождь, то всё, не проедешь. Машины могли увязнуть в глине, поэтому их оставляли у лагеря. Тогда мы бежали через поле навстречу. И дух захватывало от радостного предвкушения встречи.

Глава 5

Родители привозили продукты и разные вещи. Единственным вожаемым лакомством были бананы. Но привозили их зелеными и складывали в валенки на печку. Дозревать. Ожидание скрашивалось ежедневным посещением заморского фрукта на лежанке и проверкой «а вдруг дошли».

Но в это лето бегать встречать папу или дядю Колю сил не было. Почти сразу я заболела. Простуда перешла в ангину, ангина в стоматит. Приехала баба Лёля. (В семье, на самом деле, Любу звали Лёлей. Так называли ее еще в детстве. И мы ее звали именно так – баба Лёля.) Она меня осмотрела, послушала. Стали решать забрать меня в Москву или оставить на свежем воздухе. В Москве, понятно, за мной следить было не кому. Да и действительно, в деревне все лучше, чем в квартире одной сидеть. На том и порешили. Оставила мне баба Лёля таблетки и уехала. Почему не сработало ее профессиональное чутье, которое всегда ее выручало, не знаю.

В скором времени я перестала есть. То есть, аппетит-то был, но стоило мне съесть хоть что-то – кашу, суп или сушку – не важно, – начинались жуткие боли в животе и боках. Даже ржаные сухарики с солью, которые Бабуля сушила в печке, вызывали приступ.

Так наступил июль. Мне становилось хуже. Я уже почти не выходила из дома. В последние выходные июня меня тоже не забрали в Москву. Может, не приезжали, а может от радости я не показывала виду, как мне плохо. Пятого июля, в пятницу, я начала постанывать.

На мое счастье дядя Коля приехал именно в этот вечер, а не в субботу утром. Он съездил в лагерь за врачом. Врачиха осмотрела меня и сказала, что похоже на отравление. Видимо, смородины переела. Дети в деревне часто не могли дождаться, пока ягоды созреют. И, наевшись зеленой смородины, маялись животами. Поэтому эта теория вполне могла себя оправдать. Но не в этот раз.

Ночь на субботу превратилась для меня в кошмар. Я орала от болей в боках так, что Аню и Киру отправили спать в другой конец дома. Меня мучила жажда. Но стоило сделать глоток воды, как под ребро будто втыкали нож. При этом было тяжело дышать, воздуха не хватало. Я задыхалась, просила пить и орала. В пять утра меня погрузили в «Жигули» дяди Коли и повезли в Москву.

Когда в шесть утра в дверь постучали, я уже встал. Собирался ехать к детям в деревню. На пороге стоял Коля, а рядом с ним Лена. Синий с красными цветочками халатик. Глаза прикрыты. Тяжелое дыхание. Из рта несло ацетоном. Она прошла в среднюю комнату, легла на детский диванчик. И потеряла сознание.

– Витя, это кома! – сказала мама. – Дыхание уже Кусмауля. Звоню в Филатовскую, знаю там главврача. Бери ее и в машину. Я с Дедом приеду.

Я быстро оделся, завернул ее в одеяло и мы поехали. Однажды мы Аленку вот так возили уже в Филатовскую. Тогда ей было почти три. Она сунула пальчик в проем двери, и он оторвался. Висел на кожице. Дед завернул ее в одеяло, схватил и бегом машину ловить.

Картина была маслом: подземный переход. Бежит бородатый мужик, в руках завернутый в одеяло ребенок. За ним, в сапогах на голые ноги и расстегнутом пальто, несется орущая мать. Нормально тогда, успели. Палец пришили. Но казалось, что страшнее быть не может.

Оказывается, может. И гнал я теперь по Ленинградскому проспекту, пока меня не тормознули в районе Сокола. Тогда через каждый километр была зебра со светофорами. И почти у каждого по посту ГАИ.

– Ваши документы, – в окно мне говорит лейтенант милиции.

– Товарищ лейтенант, девочку больную везу.

Он только взглянул на заднее сиденье, где в этот момент дочь приоткрыла глаза, и махнул жезлом. Езжайте. Больше до самой больницы меня не остановили. А когда я подъезжал к светофорам и постам, включался зеленый и следующий постовой указывал «вперед». Видимо, тот по рации передал, чтобы нас пропускали.

В больнице нас ждали. Хотя в приемном продержали очень долго. Что-то у них там не сходилось. Приехала мама и Дед. Девочка моя то проваливалась в небытие, то приходила в себя. Она просила воды и стонала. Внутри все обрывалось от этих звуков и жуткого шепота «Пить. Пить. Пить».

А потом ее забрали. И врач долго не выходил. Вот тут-то я и вспомнил Наташу и последний сон с ней.

– Наташка, что же ты делаешь? Ну, прости меня, пожалуйста. Прошу, не забирай Лену.

Вышел врач и направился к нам.

– Готовьтесь к самому худшему.

И мир рухнул. Я отказывался понимать, что он говорит.

Глава 6

Мы стояли у дверей реанимации, за которыми умирал мой ребенок.

– Сахарный диабет. Кома третьей степени. Кетоацидоз, – объяснял врач. – У нее hH 6,7.

– Этого не может быть. – воскликнула мама. – Это несовместимо с жизнью.

– Да, – кивнул врач. – То, что она еще жива, это чудо. Возможно, ее спасли бы в Морозовской. Но она не транспортабельна.

– Надо везти! – резко сказала мама.

– Не тран-спор-та-бель-на! – повторил врач, – Шансов довезти – ноль.

Но Любовь Михайловна уже шла к телефону звонить главному врачу. Он дал добро.

– Готовьте перевозить. Под мою ответственность, – вернувшись, сказала она. И снова подумала, что не просто так отказалась от карьеры артистки. Доведем – не доведем, но хотя бы дадим шанс ребенку.

Вот уже несколько часов Лена не приходила в сознание. «Давай, держись. Ты сможешь, ты сильная!» – мысленно говорил я дочери. Как на привязи, я ехал за реанимобилем, не пропуская ни одной машины перед собой. Какими долгими показались мне эти 15 минут.

Довезли! Там нас уже ждала бригада врачей, и все было готово, чтобы принять умирающего ребенка. Потекли страшные дни и ночи ожидания. Семь дней я просидел на пороге реанимации. Каждый час врач выходил и говорил о состоянии дочери. Каждый час в течение семи суток мое сердце останавливалось. Сто шестьдесят восемь раз я готовился услышать то, что действительно станет самым страшным в моей жизни. И вот, наконец, врач вышел и сказал: «Мы переводим ее в отделение. В палату интенсивной терапии».

Я сел на ступени крыльца, опустил голову на колени и заплакал. На каталке вывезли дочь. Такое бледное, почти прозрачное личико, прикрытые голубоватые веки, тоненькая безжизненная ручка. И капельница чуть ниже шейки.

Еще семь суток мы провели в палате интенсивной терапии. Но и там она не сразу пришла в себя. Это случилось на рассвете второго дня. Она открыла глаза и тихо произнесла «папа». В этот момент я понял, что мы победили. Все дни, пока ее не перевели в обычную палату, я не отходил от нее. Выпаивал минеральной водой, выкармливал жидкой кашей, изучал, как жить с диабетом. И спал по два-три часа в сутки на стуле.

Как меня привезли в Москву, я не помню. Но когда дядя Коля помог выйти мне из машины, я встала на ноги и напрочь отказалась, чтобы меня несли. Я же тяжелая, сама дойду. Дверь открыл папа. Сил что-то говорить не было. Я просто прошла в комнату, и легла на диванчик. Папа еще сказал, чтобы я ложилась на его постель. Но как можно лечь в постель в грязной одежде, подумала я и отключилась.

Я помню, как нас остановил гаишник. Я помню, как лежала в приемной на жесткой банкетке и просила пить. Бабушка поила из банки, которая была похожа на ту, в которой раньше мы сдавали анализы. Еще помню, как оказалась в кровати с высокими бортиками. Какая-то проволока тянулась от меня к палке. Я дернулась, она оторвалась, и на меня стало что-то капать. Позвать или нет, думаю я. Но тут кто-то подошел и поправил.

Потом я очнулась в темной комнате. Свет небольшого ночника падал на спящего человека на стуле.

– Папа, – шепотом позвала я.

– Да, я здесь, моя хорошая.

– Пап, мы где?

– В больнице, – ответил папа.

- Значит, я болею? Тогда не мог бы ты мне принести конфет? Батончиков.
 - Нет. Тебе нельзя больше конфеты. У тебя диабет.
- И тут же, как вспышка, воспоминание.

Мне лет пять. Лежу на диване, болею. Рядом мама. Вдруг ни с того ни сего в голове всплыло слово «диабет».

- Мамуль, а что такое диабет?
- Болезнь такая, когда сладкое нельзя.
- Что и батончики?
- Да. И уколы себе колешь во все места.
- И в живот? – спрашиваю я.
- Да.
- И в щёёё-ки?
- Нет, в щеки не делают, – засмеялась мама, – не волнуйся, диабетом редко болеют. – Спи, а то температура поднимется.

Мама поцеловала меня, укрыла пледом и вышла из комнаты.

Так оказалось, что про диабет я уже имела представление, поэтому восприняла все спокойно. Даже то, что теперь нельзя есть сладкое. К уколам я тоже быстро привыкла, а вот то, что я не могла ходить, было странно. Папа на руках перенес меня в общую палату. Через несколько дней стал выносить меня на улицу гулять. Постепенно я набиралась сил и все-таки, благодаря врачам папе и бабушке, встала на ноги.

Глава 7

Месяц я провела в больнице. Папа был со мной постоянно. Даже когда объявили карантин. Сказал, будет учиться делать мне уколы, что на работе взял отгулы на это время. Наступил день выписки. Заведующая пригласила папу в кабинет, а меня попросила подождать в коридоре.

– Вы же понимаете, – помолчав начала врач, – Девочка перенесла тяжелейший кетоацидоз. Ее печень и поджелудочная в плачевном состоянии. Строжайшая диета. Ни какого спорта. Ни каких экзаменов и ВУЗов. И вот еще что... не надо готовить ее к семейной жизни. Беременность для нее равносильно смерти. Хотя вряд ли она доживет до этого возраста. Оформляйте инвалидность и – на домашнее обучение.

Бледный и подавленный вышел отец из кабинета и прошептал:

– Это мы еще посмотрим.

Дома папа достал большую тетрадь в коричневой обложке и записал: «Аленку выписали домой!» Еще в больнице он стал вести дневник, сделав таблицу на разворот тетради. Как я чувствовала, как вела, что и сколько ела, какой был сахар и т. п.

– Ну, что, будем привыкать жить самостоятельно. Да, девочка моя? – подмигнул мне отец, и мы пошли кипятить шприцы.

На следующий день были куплены кухонные весы, большой белый эмалированный горшок и поляриметр. Этим прибором папа проверял мочу на сахар. Теперь мое утро начиналась с грохота ночной вазы в кафельных стенах туалета. Далее я терпела экзекуцию уколами. Инсулин мне делали четыре раза в день. Утром два укола – базовый и короткого действия, и также перед ужином. Иглы были толстые и не с первого раза протыкали кожу. Особенно неприятно было, когда папа колол под лопатку. Я всячески пыталась его обмануть.

– Давай спинку, – говорит отец

– Не, пап, сегодня в руку.

В руку мы кололи утром, а в бедро и попу вчера. Сейчас очередь под лопатку, и папа это точно знает. Спина единственное место, где еще нет безобразных липом. И папа старался чаще уколоть именно туда.

Всаживаю иглу, – вспоминает отец, – и слышу, нет, чувствую, как ты до боли стискиваешь губы, зажмуриваешь глаза. У меня все сжимается внутри. Дурацкое чувство вины. Жалость. Но я не показываю этого – нельзя.

Мне пришлось уйти с работы, чтобы быть с Леной. Тем более, я все-таки настоял, чтобы она ходила в школу. Мы с мамой долго спорили, как лучше. Она была категорически против коллектива: нагрузка, инфекция, да и забирать некому. Но первого сентября дочь пошла в первый класс, а я написал заявление об уходе. И устроился работать по вечерам агентом госстраха.

Зато днем мог заниматься ребенком. Каждое утро у нас начиналось одинаково: первым делом – в туалет. На горшок. Знаете, какая мечта была у Аленки в 9—10 лет? Хоть одно утро пописать в унитаз, как все люди.

– Потерпи, скоро что-нибудь придумают, – успокаивал я ее, – а пока попробуем новое средство.

– Какое? – заранее кривит личико мой ребенок.

Я специально ездил в деревню, чтобы купить мешок отборного овса. Говорят, он снижает сахар. Приготовил отвар и попробовал. Жуть.

– Нормальное, – отвечаю, – как лекарство. Она морщится и пьет. Три раза в день перед едой. И наконец, ура – можно есть.

Я взвешиваю гречку, кусочек отварной трески, кладу порезанные помидор и огурчик. Потом чай и половинка печенья. Ужин закончен. Я смотрю в глаза голодного ребенка. Как это страшно. Она просит добавку, я отказываю. Отворачиваюсь, чтобы скрыть стыд и жалость.

Иногда я покупал дочке мороженое. Только эскимо. Как же она любила шоколад с него. Но он был строго противопоказан. И я снимал с мороженого почти всю глазурь, оставляя лишь одну узенькую полоску сбоку. Лена неотрывно следила глазами, как эскимо становилось белым. Этот взгляд... Съедая шоколадные полоски, я старался не смотреть ей в глаза. Не мог.

Я продолжал испытывать на ребенке новые народные средства. Следующим был отвар перепонки грецкого ореха. Купил несколько килограмм орехов. Неделю всей семьей вычищали. Сделали отвар. Пили три месяца, через неделю вновь занимаясь чисткой орехов.

Позже посоветовали настойку заманихи. Действие как у корня женьшеня. Был в нашей жизни и женьшень. И арфазитин. И занятия с Джуной. По воскресеньям ходили в парк Горького: зарядка на улице, бег босиком, купание в пруду, зимой в проруби. Она ничего не боялась. И я понял, что пора ее познакомить с Диной.

Глава 8

Был май. Цвела сирень. Мы шли с папой по парку, когда он сказал:

– Хочу тебя кое с кем познакомить.

Навстречу к нам шла молодая женщина. Высокая, стройная, в модных бордовых брючках. Она улыбалась нам.

– Привет, – сказала она мне ласково, а я спряталась за папу.

– Аленка, познакомься: это Дина, – папа потянул меня за руку. – Динуль, это Лена.

Она присела на корточки передо мной и взяла за руку.

– Можно с вами погулять, – улыбаясь, спросила она.

Я кивнула. Мы гуляли, разговаривали и смеялись. А потом папа пригласил ее к нам на обед.

Дина была младше папы на одиннадцать лет. Она училась на вечернем отделении института и работала в библиотеке. Папа ее был ветераном Великой Отечественной Войны, артиллеристом. Старший брат работал в зоопарке. А мама умерла, когда Дине было три годика. И она ее совсем не помнила.

Дина дала мне свой номер телефона, и я ей звонила. Особенно, когда ссорилась с бабушкой или Киркой. Бабушка души не чаяла в брате. Ему прощалось то, за что меня ругали. Часто разрешалось то, что мне было запрещено или нельзя по здоровью. Я понимала, что меня любят. Но чувствовала, что не так, как брата. К тому же я не соответствовала бабушкиным представлениям о девочках. Не была, в ее понимании, аккуратной, не была красивой, зато часто вредничала и ныла.

Бабушка вообще не любила девок. Так и говорила: никчемные создания, только что продолжение рода. Хотя ее мама и три бездетные тетки были врачами. Души в Лёле не чаяли. За что бабушка не любила девочек, не понятно. Из трех своих внучек она обожала только самую старшую, дочку Андрея, Александру.

Она была первой внучкой в семье, и очень красивой девочкой. Бабушка на полном серьезе называла ее «королева «Шантеклера». Причем я думала, что Шантеклера это имя настоящей и, видимо, очень красивой королевы. Глаза у Али, говорила баба Лёля, – голубые звезды. Вьющиеся волосы, толстая коса до пояса. В 12 лет, когда она с родителями приезжала к нам в гости, ее сопровождал косяк поклонников.

Когда мне было плохо или скучно, я звонила Дине. Мы встречались в выходные, иногда приходили к ней в гости. А через два месяца они поженились, и мы все поехали отдыхать в Литву.

Вот уже двадцать лет, после того, как бабушке запретили отдыхать на юге, они с Дедом проводили свой отпуск в Литве. Познакомились они в пионерском лагере, куда бабушка поехала врачом, и чтобы приглядывать за своими двумя сорванцами. Мужа она не видела уже несколько лет. Он служил на китайской границе.

Смена в лагере подошла к концу. Уже были поданы автобусы. Вдруг мальчишки позвали:

– Любовь Михайловна, бегите скорее в спортзал, там физруку плохо.

Она побежала. За дверьми стоял здоровый и очень симпатичный физрук Виктор. Он обнял ее, прижал к себе и так поцеловал, что голова закружилась. Увесистую пощечину получил он от доктора, но все равно признался в любви.

Их роман был страстный, бурный, как весенняя река, сметающая все на своем пути. От одного взгляда друг на друга ток бежал по их телам. От одного прикосновения замирало

и обрывалось дыхание. Скоро невозможно стало скрывать отношения. Люба хотела их прервать, не разводиться с мужем, да любовь была сумасшедшая.

Когда подавали документы в ЗАГС, оказалось, что Виктору-то всего двадцать. Бабушке же было тридцать пять. Она хотела уйти, но он остановил ее.

– Лёля! Ты до этого не знала и не чувствовала разницу. И клянусь, никогда в жизни не почувствуешь. Я буду любить тебя всегда. До последнего вздоха буду с тобой.

Они расписались и уехали на Кавказ. Каждое лето потом они ездили на море. Пока не случилась беда. У Любы обнаружили рак груди третьей степени. Тогда она пошла к оперирующему врачу.

– Любовь Михайловна, маленький шанс, только если выскабливать все до костей, но мы не имеем права так рисковать, – сказал он.

– Прошу Вас, как коллегу, сделайте все как надо.

И они сделали. Дед не отходил от жены все дни, пока она была в больнице. Выживал после операции, сидел возле нее во время химиотерапии. Ждал после облучения. Бабушка видела, как брезгливо другие мужья прикасались к женам. Однажды, стоя у окна, наблюдала, как из дверей больницы вышел муж ее соседки. Он оттирал руки снегом. Она видела, как умирают девочки. Они умерли все из их десятиместной палаты. Кто-то в больнице, а кто-то позже. Осталась только бабушка.

Она долго восстанавливалась, разрабатывала правую руку, потому что мышц почти не осталось. Через боль, через «не могу», через слезы и страх, возвращалась к жизни. И смогла! Вернулась на работу, вскоре стала главным врачом поликлиники, а потом открыла больницу.

Глава 9

Через год после свадьбы отца и Дины мы все переехали в просторную пятикомнатную квартиру. Там у меня появилась своя комната. Она была небольшая, но уютная и светлая. На долгие годы это будет моим убежищем от внешнего мира. Каждый вечер, закрывая дверь, я оставалась наедине со своими мыслями, печалью и радостями. Я могла спокойно, не таясь, плакать, мечтать, разговаривать с игрушками.

Часто я играла в игру, где у меня рождался ребенок, или я его находила. С ним вдвоем мы должны были выжить, заработать денег, стать успешными. Мысль, что у меня не будет детей, уже лет с десяти мучила меня. Мне так хотелось отдать кому-то свою любовь и нежность, стать мамой для маленькой одинокой девочки, какой я себя чувствовала.

В то же время я проигрывала ситуации, когда я находила маму. Довольно часто я как бы влюблялась в женщин. Это были мои учительницы, знакомые, которые приходили к нам в гости или соседки. Общей чертой, которой они обладали, была женственность и нежность матери. Я завидовала их детям и представляла, как было бы здорово, если бы я была ее дочкой.

С Диной у меня были ровные отношения. Достаточно теплые, но нет, не материнские. Я не смогла называть ее мамой. Первые несколько лет я очень ждала, что у них родится ребенок. Мечтала, что буду гулять с коляской, как подружка Ирка с братиком. Но, увы. У Дины было тяжелое заболевание, которое помешало ей стать матерью.

У меня не было человека, с которым я могла бы поговорить по душам, поплакать в коленки. Папа был мужчиной, а это не совсем то, что мне тогда было нужно. Он уставал и переживал за меня. И чуть что начинал воспитывать. А мне надо было просто поделиться болью, чтобы выслушали и погладили по голове. Он был со мной ласков, но и не менее требователен.

С бабушкой отношения были не простые. Я не чувствовала от нее нежности. Она была правильной, педантичной, сильной и властной. Единственный настоящий перфекционист в моей жизни. Она следила, чтобы я держала комнату в идеальном порядке. За накиданные вещи в моем шкафу я еженедельно получала нагоняй. В общем, мы довольно часто ссорились.

Была у меня еще Бабуля. Я ее очень любила с самого детства. Она всегда находила, чем утешить, как отвлечь, приласкать. Когда они с мамой лепили пироги, мы сидели внизу под овальным старинным столом. Мама строго-настрого запрещала нам есть сырое тесто. Но Бабуля раз и опустит руку с белым кусочком под стол. А потом, когда из печи будет вынимать горячий противень, обязательно сунет нам по румяному пирожку в руки. Пока мама не видит.

Дни, когда Бабуля приезжала к нам, были для меня настоящими праздниками. Столько было в ней тепла, доброты, ласковости. Она была настоящей бабушкой-старушкой. Маленькая, сухонькая, в белом платочке на голове и серой пуховой шалью на плечах. С ней мне и плакать-то не хотелось.

Но причин для печали было много. Мне, конечно, казалось, что меня никто не любит и я никому не нужна. Постепенно подружки начали встречаться с мальчиками, а я все ходила одна. Мечта о ребенке становилась острее, но казалась несбыточной. Разговоры с бабой Лёлей только подливали масла в огонь. Она часто говорила мне:

– Женщина может иметь сто мужчиной. Но становится настоящей женщиной, только родив ребенка.

– Ба, я очень хочу родить, – обмолвилась я о заветном.

– Даже не думай! – воскликнула она. – Себя угробишь, и ребенок инвалидом будет. Если выживет. Вон их сколько у меня в больнице лежит. Ты давай лучше подумай об учебе, институт тебе не потянуть, а в медицинское училище я тебе помогу поступить.

- Нет, я буду поступать в педагогический институт.
- Ты не сможешь.

Закрывшись в комнате, уткнувшись в подушку, я беззвучно рыдала. Я разговаривала с Богом, спрашивала его, за что я такая невезучая. За что именно у меня он отнял маму. Почему именно со мной это должно было случиться. Я умоляла Его дать мне увидеть ее хотя бы во сне. Обнять. Прижаться к ней, хоть на мгновенье. И произнести это волшебное слово «мама».

Успокоившись немного, я начинала говорить с мамой. Рассказывала, как мне плохо. Звала ее, просила прийти. Прийти за мной. Забрать меня к себе. Я была уверена, что она меня слышит. И вообще я долго не верила, что мамы нет НАСОВСЕМ. Я знала, что однажды мы встретимся.

И это случилось. Тогда мамы уже лет двенадцать как не было. За это время она мне ни разу не снилась. Да и не помнила я ее почти. Так, светлый образ, ласковые руки. Или как я у нее на коленках сижу. А лица не помнила.

Как-то я оказалась в здании с длинным темным коридором. Было там сыро и холодно. В стенах были ниши. Вдруг вижу, в одной из ниш плачет женщина. И руки ко мне протягивает. На ней длинная серая рубаха, сама босая и волосы длинные растрепаны.

Меня как током прошибло.

– Мама! – закричала я. – Мамочка!

Бегу к ней, а подойти не могу. Рядом с ней, а дотянуться не получается. Стоим мы, руки друг к другу протягиваем, а коснуться не можем. Как долго я просила, чтобы Господь дал мне возможность хоть во сне увидеться с мамой. Прижаться к ней, обнять. И вот я ее вижу. Но отчего так тоскливо, так тяжело на душе?

– Мама, – снова кричу я.

Она плачет.

– Не плачь, пожалуйста, мама. Я пришла, я здесь.

– Ох, доченька, плохо мне. Плохо мне здесь. Холодно. Одиноко. Так тепла хочется. Да видно не заслужила его.

– Что ты, мама, ты самая... – хочу сказать ей, но все вдруг поплыло, завертелось, стало исчезать.

– Мама, – кричу я, и чувство невосполнимой потери накрывает. – Мама!

Я просыпаюсь с этим словом. Вся в слезах. А в понедельник еду с подругой в трамвае и рассказываю эту историю. Рядом старушка стоит и вдруг спрашивает:

– Прости дочка, историю твою услышала. Когда тебе сон-то этот приснился?

– В субботу, под утро, – отвечаю.

– Так в субботу-то Большая родительская была. В храм сходить бы.

Далека я от храма была в то время. Да побежала, как миленькая. Стала потом захаживать. Записки подам, свечи поставлю.

А мама потом еще раз приснилась. Светлый такой образ, спокойный. И так хорошо на душе стало, так радостно.

Глава 10

В Морозовскую я больше не попадала. Папа полностью взял контроль надо мной. Его девизом были слова: «Вы – врач своему ребенку, а врачи только консультанты». Он вел дневник, делал графики, сравнивал кривые, записывал, когда и почему были гипо- или гипергликемия.

Вместе с другими активными родителями, папа организовал Московскую Диабетическую ассоциацию. Благодаря ей, в Москве появились хорошие инсулины, одноразовые шприцы, был открыт диспансер.

Со второго класса я возвращалась из школы сама. Сама обедала, делала уроки, шла гулять. Я занималась фигурным катанием и плаванием, ходила в разные кружки. Летом мы обязательно ездили отдыхать.

Лишь в тринадцать лет я легла в Тушинскую больницу, чтобы перейти на шприц-ручки. С этого момента папа полностью передал бразды правления диабетом мне самой.

Как бы бабушка не настаивала, я не пошла в училище.

– Будешь потом жалеть, – уверяла она.

– Не буду! – отвечала я. И записалась на курсы подготовки в МПГУ, на факультет дошкольной педагогики и психологии. Моя жизнь все равно будет связана с детьми.

Папа меня поддерживал. Он, пожалуй, единственный верил в меня. Он верил, что я смогу учиться, смогу выйти замуж и родить. Он помог оплатить курсы, ни разу не упомянув слова десятилетней давности: никаких экзаменов и ВУЗов.

Школу – языковую гимназию – я закончила без домашнего обучения. Сдала вступительные экзамены на все четверки и поступила-таки в институт. Примерно в это же время я взялась за свое здоровье. Я стала регулярно проверять сахар, благо визуальные тест-полоски года три у меня были. До этого они валялись в углу, я чувствовала себя прекрасно, и не думала о самоконтроле.

На втором курсе института мы писали курсовые. Я долго не могла определиться с темой, пока меня не осенило. Дети с диабетом. Ведь у них масса психологических проблем. Помощь психолога нужна им и их родителям не меньше, чем инсулин, самоконтроль и физическая активность.

Благодаря бабушке, у которой везде были связи, я обошла все больницы Москвы, где была детская эндокринология. Был собран потрясающий материал, который лег потом в основу дипломной работы. В 1997 году вышла моя первая статья. А меня закружила первая настоящая любовь.

С Колей мы познакомились в лагере для подростков с диабетом, куда я поехала вожатой. Мы были ровесниками и с головой ушли в первую любовь. Он был частым гостем в нашем доме. Все смотрели на нас и говорили, неужели бывает такая любовь. Он носил меня на руках, понимал с полуслова. Иногда я хочу что-то сказать, а он уже это произносит.

Все взрослые относились к нему как к родному, а брат как другу. Лишь однажды бабушка мне сказала:

– Он хороший и добрый парень. Любит тебя, это видно. Но глаза его... что-то в них есть хитрое, еле заметное. Либо что-то скрывает, либо чего-то боится.

Я отмахнулась тогда. Слепая была моя любовь. Я нашла в Коле то, что искала долгие годы. Любовь, нежность, внимание, понимание, романтику. Я им буквально жила и дышала. Ждала, когда поженимся. Но он все уходил от этого разговора.

Когда я узнала, что жду ребенка, счастьем не было предела. Да, нельзя было. Да, за сахарами не следила. Да, рискуя собой, если оставлю его. Но я ждала этого так долго, и теперь

он у меня есть – ребенок от любимого мужчины. Я была уверена, что смогу. Лишь бы Коля был рядом.

Это был удар для меня. Коля был не рад новости.

– А ты не боишься? Надо ведь было готовиться, – стал он мне говорить с заботой в голосе.

– Все хорошо будет, я знаю, – еще не понимая, что он отказывается от меня с ребенком, пыталась успокоить я его.

– Нет, надо подождать. Мы закончим институты. Поженимся, и вот тогда...

– Коля! Он уже есть. Он во мне. Живой. Наш.

– Ну, у меня нет средств, чтобы обеспечить вас.

– За девять месяцев все можно изменить, – отвечала я.

Так мы несколько дней обсуждали, спорили. Я сказала бабушке, что беременная, что буду рожать. Она, конечно, охала, ахала. Пыталась объяснить мне, как это опасно. Что можешь ослепнуть, откажут почки и все в таком духе. Но мне казалось, что все это ерунда. Правда, как раз в это время я совсем не следила за собой и не мерила сахар.

В один из дней, после очередного спора с Колей, он мне холодно заявил:

– Мне не нужен этот ребенок. – И ушел.

Впервые за всю жизнь я побежала к бабушке. Уткнулась ей в колени и рыдала. Рушилось мое счастье, умирала моя мечта. Бабушка гладила меня по голове и плакала вместе со мной.

Глава 11

Мы не расстались с Колей, хотя надо было бежать от него без оглядки. Он ездил со мной в клинику, с которой договорилась бабушка. Да, мой организм был в плачевном состоянии. Но у дверей операционной, рыдая, я умоляла оставить ребенка. Верила, что все будет хорошо. Он отворачивался, молчал.

Я так и не смогла оправиться после этой истории. Весной началась депрессия. Жить не хотелось. И как бы Коля не окружал меня любовью, внутри была пустота. Простить себе этот поступок я не смогла.

Через год я закончила институт, и мы решили сыграть свадьбу. Но что-то было не так. Что-то его тяготило, он что-то скрывал. И до сих пор не познакомил меня со своей матерью. Хотя отца и двух братьев я уже знала.

Утром в день свадьбы, когда меня причесывали и делали макияж, раздался звонок телефона. Все оборвалось внутри. Я знала, кто это звонит. Кто звонит и что скажет.

– Лена, прости меня, я не приеду.

Распахнутое окно четвертого этажа. Я понимаю, что надо это сделать, уйти. Но тут люди. Не дадут. Я звоню ему сама.

– Приезжай. Сегодня распишемся, завтра разведемся.

Отец в шоке. Бабушке плохо с сердцем. Кирюха рвется ехать бить ему рожу. Он приехал. Мы расписались. Отдохнули в Дагомысе. Потом я вышла на работу в детский сад, а он уехал домой. На этом наш брак закончился.

Позже я узнаю, в чем было дело. Его мать сидела в тюрьме в Мордовии. И не просто сидела. Она была вор-рецидивист. Колю и младшего сына родила, чтобы срок скостили. Хорошая девочка из московской интеллигентной семьи. Учитель английского языка в школе. Сын вундеркинд. Но выбрала другой путь. Путь легкой наживы и больших денег.

Пока ее не было дома, мы и жили как в сказке. Но стоило ей появиться, Коля как привязанный сидел у ее ног. Выполнял все ее поручения. Любил ее до беспамяත්ства. Отца возненавидел, за то, что тот ушел от жены к другой. Его не смущало, что мать ходит по бабкам, заговоры делает. И что не разрешает ему со мной видеться.

Мужа вернуть задумала. И вернула. Пришел он как-то навестить сыновей, да и остался в квартире. Ноги отнялись. Однажды она и Колю попросила съездить ночью к храму в другой город, свечу поставить.

– Не ездь, на меня она это делает, – сказала я ему.

Но он слушал только маму.

Мучительно тяжело переживала я расставание с Колей. Прошло всего два месяца – новая беда. В начале октября умерла Бабуля. Похоронами занималась я, а потом осталась пожить с тетей Раей, чтобы не оставлять ее одну. Конечно, ездить к семи утра на работу было неудобно. Зато после я могла заскочить домой.

Вот тогда мы с бабушкой как-то сблизились. Она всегда радовалась, когда я приходила. Мы разговаривали, шутили. Она спрашивала меня:

– Может, останешься?

А я отказывалась, потому что там ждала одна тетя Рая. Правда, и дома было не веселей. Кира приходил поздно, Дед тоже. И часто пил. Папа жил у Дины.

Так прошла неделя, и я вернулась домой, а бабушка с Дедом уехали в деревню, в отпуск. Мы купили мобильный телефон, первый в нашей семье. Звонили им обычно папа или Кира. Как-то я позвонила им сама. Связь была плохая, но бабушка обрадовалась:

– Ой, Елена моя звонит! Как вы там?

И так мы тепло и душевно поговорили с ней. В последний раз. Следующим вечером ее не стало. Они ужинали с дедом, когда ей стало плохо. Она задыхалась. Дед крутился рядом, не зная, как помочь, вызвал скорую.

– Витя, я умираю, – сказала Лёля, – Это отек легких. Я люблю тебя, Витя. И детям передай, что я их очень сильно люблю.

Скорая приехала быстро, минут за 30. Но было уже поздно. Отец и Кира уехали к ним. Дядя Андрей был на дне рождения шурина, когда позвонили ему. Не смотря на опьянение, он сел в машину и помчался.

– Меня сама мама тогда вела, – говорил он, – я дороги не помнил.

Я осталась одна в огромной опустевшей квартире. Нет, я осталась одна во всем мире. После похорон Бабули прошло всего две недели. Я выла и вгрызалась в палас на полу. А на следующее утро в детском саду был осенний праздник. Его вела я. В роли пугала огородного. И никто не заметил, что я проплакала всю ночь.

Полгода прошли как в тумане. Меня спасала работа. Дети, двадцать пять моих малышей, лечили меня от одиночества двенадцать часов в сутки. Я работала на группе в две смены, да еще за нянечку.

К апрелю силы мои были на исходе. Мне подыскали замену, и я легла отдохнуть и подлечиться в больницу. Первые несколько дней я там просто спала. Возвращались силы, хорошее настроение. Я как будто начала просыпаться от долгого и кошмарного сна. Вот только потери во сне не остались.

Глава 12

Как-то в один из ясных дней я увидела его. Он шел по коридору, пронизанному лучами солнца. Спортивный костюм, тапочки, улыбка – вполне больничный вид. Теплом и уютom веяло от него. Нет, я не влюбилась. Но почему-то тянуло к нему. Хотелось разговаривать, смеяться над его глупыми анекдотами и откусывать от его «маасдама», который ему привозила мама. Так мы познакомились с Костей.

Лежал он в больнице с впервые выявленным диабетом, был студентом Второго медицинского института. И о своей болезни догадался на лекциях по биохимии, когда проходили углеводный обмен. Он был внимательным слушателем. И по капле, по крупицам я рассказала обо всем, что случилось за последние четыре года.

Когда я поняла, что он не просто так все время рядом, было поздно. Я выложила всю подноготную, а он влюбился. Ухаживал красиво и недолго. В мае приехал ко мне, да так и остался. А летом мы поехали в Крым.

Нет, я и тогда не влюбилась. Я принимала его любовь, делая вид, что мы пара. Мы часто ссорились, притирались друг к другу болезненно и долго. Он был младше меня на три с половиной года, ничего не умел по дому. Да к тому же диабетик. Ну, какой из него муж?!

На самом деле я просто не могла никого сейчас любить. Мое сердце было выморожено изнутри. Мои чувства были отключены, а я сама плыла по течению, не пытаясь что-то изменить. И все время чем-то болела, с каждым разом всё тяжелее.

Как-то мы с Костей поехали к его крестной, бабе Клане. Посмотрела она на меня и говорит:

– Порча на тебе. Иди-ка ты к Валентине, она тебя отчитает.

Маленькая сухонькая старушка приветливо встретила нас, проводила в дом. Выслушала про Колю и его маму. Отвела меня в маленькую светлую комнатку, посадила перед иконами и стала шептать молитвы. А я начала зевать. Чуть челюсть не свернула.

– Девонька моя, сильно как сделано-то, на смерть, – уставшим голосом проговорила бабушка Валя и вытерла платком вспотевший лоб. – Ну, ничего, дай Бог, справимся.

В следующий раз все было точно также, только я никак не могла зевнуть. Открываю рот, вроде сейчас зевну. А зевок внутрь уходит. Валентина опустилась на кушетку. Руки ее тряслись, пот катился со лба.

– Не хочет она отпустить тебя, девонька. Крепко держит. Ох, крепко.

В сентябре Костя сделал мне предложение. На знакомстве родителей и выяснилось, что Костик и есть тот самый мальчик, которого когда-то спасла моя бабушка.

Перед свадьбой я ему сказала:

– Знаешь, мне нужен ребенок, и тянуть с этим нельзя. Я выйду за тебя, если ты на это согласен.

– Я на все согласен.

– И еще: мы пойдем к генетику. Если будет высокий риск, ты готов усыновить?

– Не волнуйся. У нас будет ребенок. И я буду с тобой.

Перед свадьбой мы снова съездили к Валентине. На этот раз обе мы чувствовали себя после отчитки значительно лучше.

– Знаешь, нам надо повенчаться, – сказал мне потом Костя.

И мы венчались. Свадьба была холодным ноябрьским днем. Трижды сменилась погода, а вечером лег тонкий и нежный, как моя фата, снег. К новому году мы получили добро на беременность у генетика, и началась моя подготовка.

Много было страхов и негатива со стороны. Как-то я пришла к эндокринологу в диспансер, а она, сама диабетик и мама, мне говорит:

– Зачем тебе это надо? Даже если ты, с таким стажем болезни, сможешь выносить и родить, представь, что ему передастся диабет? Вот он вырастет и будет тебе выговаривать: «Зачем ты меня вообще родила?»

Руки опускались после такого, но мы шли дальше. В КДЦ Первой Градской меня поставили на учет и поддерживали. К лету я прошла обследование всего организма. Гликированный гемоглобин был 6,2. И врачи дали зеленый свет.

Я очень хотела забеременеть в июле, чтобы дочка родилась в апреле, как бабушка, мама и я. В начале августа на УЗИ я впервые услышала, как бьется сердечко моего ребенка. Нет, я не плакала. Просто как-то весь мир стих. И только эти звуки. Ту-тук, ту-тук, ту-тук. Это было волшебство. Я позвонила Косте, сказала, что все у нас хорошо. Он уже знал про беременность, так как я уже кучу тестов извела, пока наконец не увидела такие желанные две полоски. Дальше я поехала к папе на работу.

– Пап, я беременна, – шепнула ему на ушко.

Он застыл на несколько секунд, а потом молча обнял меня.

– Ура! – сказал он, и голос его дрогнул.

Потом мы поехали к Валентине. Узнав новость, она просто сказала:

– Слава Богу за всё! Мы победили, она тебя больше не достанет.

Первого апреля 2004 года мы стали родителями. Дочка родилась абсолютно здоровой. Мы назвали ее Любовь.

Эпилог

Раннее утро. Теплое апрельское солнце светит в окна. Штор на них нет, и вся палата залита ярким светом. Я подвинула прозрачное пластиковое корытце к себе. В нем спал мой ребенок. Мой. Ребенок. Моя дочь. Ее личико было прекраснее всего, что я когда либо видела. Она улыбалась во сне. Периодически вздыхала, будто постигая смысл бытия.

Чувство безграничной нежности наполняло всю мою душу. Я коснулась пальцами щеки малышки, подержала за маленькие пальчики. Я смотрела на нее и слушала ее дыхание. Мне не верилось, что это чудо происходит со мной. Столько лет я шла к нему. Столько слез выплакала. Столько горя вытерпела. И вот оно – мое вознаграждение.

Сразу все встало на свои места. Стало понятно, почему бабушка стала не актрисой, а врачом. Почему когда-то спасла маленького Костю, а потом меня. Почему Господь забрал маму так рано, и я заболела диабетом. И почему заболел Костя. Маленький, но исчерпывающий ответ на все эти вопросы лежал на моих руках и сладко сосал грудь.

Из роддома нас забирали мои любимые – муж, папа, брат. Были Дина и свекровь. А я жалела, что бабушка не дожила, не увидела свою тещу, не порадовалась за меня. Хотя, наверное, видела и радовалась, просто нам этого не дано знать.

Вы спросите, полюбила ли я уже своего мужа? Полюбила. Чуть-чуть. Привыкла. И рождение ребенка затмило для меня все остальные чувства. Перед нами лежала длинная дорога. Она готовила нам множество сюрпризов. И с каждым годом, с каждым новым ребенком, я буду чувствовать, как растет моя любовь к мужу, как он становится роднее и ближе.

Без бабушки мы стали редко общаться и перестали собираться на дружные семейные застолья. У каждого своя семья, свои заботы. Дочки дядя Андрея подарили ему четырех внуков и одного правнука. Кирилл стал юристом, женился, и у него растут двое замечательных мальчишек. Аня замужем за сокурсником Киры. У нее тоже двое детей. Папа и Дина развелись в год их серебряной свадьбы.

Коля так и не женился. Мама его умерла в 2016 году. Костя стал неврологом, первоклассным врачом. Свекровь вышла замуж, когда родился наш третий ребенок.

Конец.

Гузова Ольга
«Коммунальная квартира».

Пролог

Тяжело кряхтя и придерживая одной рукой большой живот, Анна встала коленкой на табуретку и потянулась к форточке.

– Дед Митя, ну опять надымил, дышать нечем!

– А что тебе будет? – усмехнулся дед, недовольно посмотрел на беременную и грохнул деревянной ногой о пошарпанный кухонный пол.

– Идите хоть помойтесь, а то дело к вечеру, начинается вашим последним боем тянуть...

#

Володя, играя соломиной в зубах посмотрел на деда и беременную женщину, налил стакан водопроводной воды и залпом выпил.

– Я все не привыкну к дарам цивилизации.

Анна улыбнулась – водопровод был её заслугой.

– Дед Мить, а как тебя такого старого на войну взяли?

– А меня и звать не нужно было. Немец к деревне подошёл, в которой мы жили, так я на фронте и оказался. Лучше меня, чем моих внуков. Хотя и внуков не сберег...– дед снова затянулся и посмотрел за деревянную раму окна.

#

Погода была солнечной, деревья стояли почти недвижимо. Скоро должен был начаться проливной дождь с грозой.

#

Девятилетняя Ниночка вышла на кухню со скрипкой в руках, встала в центре и терпеливо начала выводить ещё не знакомые ноты.

#

Входная дверь скрипнула, и в квартиру зашел Кирилл. Родственники на кухне затихли и переглянулись. По коридору прошел запах хмеля и сигарет.

Он зашел на кухню, молча её осмотрел, взял из холодильника кусок колбасы и направился в свою комнату.

Вдруг он остановился и посмотрел на табуретку под окном. Холодно. Одной коленкой он стал на табуретку, закрыл окно и вышел.

– Ну и характер. – дед Митя хотел плюнуть на пол, но сдержался из-за Ниночки. – Играй, моя хорошая, играй.

Собрав полосатым носком себе под пятку крошки от рассыпанного утром печенья, Нина положила щеку на инструмент и продолжила пиликать.

– А ты б думал как поинтереснее умереть, тоже характер бы испортился. – вспыхнул Володя и плюнул соломину в мусорное ведро.

Глава 1

Июньский зной набирал силу.

Луг к востоку от пролеска был скошен ещё на рассвете. Мужчины, направленные в колхоз для помощи, отдыхали в тени деревьев. Они наблюдали как комсомолки из спортивного училища ворошат душистую траву и, закончив свои участки, идут к спасительным берёзам.

– Наташ, – незаметно для других мужчина накрыл ладонью тонкие пальцы девушки. – Надо что-то решать.

Наталья вздохнула и огляделась. Рядом в ведрах с потрескавшейся эмалью, накрытых марлей, стояла колодезная вода.

Глотнув ледяной воды из алюминиевой кружки, девушка уткнулась носом в мужское плечо. Глаза спрятались под густой белокурой чёлкой.

По сравнению с ней, Владимир был взрослым и серьёзным. Он занимал серьёзную должность. К тому же, он был женат.

– Не боишься, что попрут тебя с должности?

– А пусть, на другую заработаю. Так и ты можешь не попасть на соревнования из-за меня. – Володя улыбался печальными глазами. Сил не было как измотала его душа эта спортсменка.

– До вечера решу окончательно. – Наташа оторвалась от плеча и пошла к задорно смеющимся однокурсникам.

Чтобы не выдать волнения в предвкушении долгожданного разговора, Володя сорвал одиноко растущую маковку пшеницы и закусил её зубами.

– Владимир Николаич, не подсобите с дровами для школы? Привезли чурок пудовых, а колоть-то и некому. – с надеждой в глазах на крепкого мужчину смотрела пожилая директриса – А до ужина баньку вам справим, рубаху чистую дадим. Сейчас вам в подмогу кого пришлю... – тараторила женщина, пока городской начальник не начал отказываться.

– Да сам справлюсь. Что тут колоть: начать и кончить. – Володя оценил кучу дров и с энтузиазмом взялся за топор.

Уморённый колкой дров на солнцепёке, Владимир закрыл дымоход и, поддав пару покрепче, с блаженством растянулся на банном полке.

Жена? Жена молодая, найдёт другого, ещё лучше.

А наши судьбы уже разошлись.

Простит меня. Обязательно поймёт и простит. Я же не со зла. Я просто не знал что можно ТАК влюбиться. Да ещё и с первого взгляда.

Квартиру Анечке оставлю, себе ещё заработаю.

«Анечка... папина доча», – Володя осознал, что дочь останется жить со своей матерью. Под ложечкой засосало.

Но я буду деньгами помогать и при каждой возможности приезжать к ребёнку.

Наташа не будет против.

Наташа, Наташа...

Глава 2

#

– Это ребёнок Фёдора.

#

К вечеру обещали дождь.

Анна стояла у окна кухни в изумрудном плаще, который не застёгивался на беременном животе.

Отёкшие ноги не позволили надеть туфли и пришлось довольствоваться материнскими галошами на тёплый носок.

Довоенные часы звякнули восемь.

Что-то случилось, Фёдор обычно не опаздывал.

Взгляд Анны зацепился за деревянную табуретку, покрытую синей краской. Её смастерил какой-то дед, недолго проживающий в их квартире до войны. Табуретка так скрипела, что давно следовало её выбросить.

#

– Мы ещё можем все исправить, – голос мужа непривычно дрожал.

– Не можем. – отрезала женщина.

#

– Вся в отца, такая же. Бессовестная! Сын подрастёт, как ему в глаза смотреть будешь? – сестра появилась за спиной неожиданно.

– Я не такая как отец! Хватит меня носом в это тыкать! Я никого из семьи не увожу! Это он мать хотел бросить, я ухожу сама! – в глазах женщины было негодование.

#

Пододвинув табуретку ближе к столу, муж Анны сел на неё и спрятал лицо в ладони.

На кухню выбежал трехлетний мальчик с рисунком в руках и жестах стал проситься на ручки к маме.

– К врачу бы сводила пацана! Мама говорила, ты в его возрасте Бородино наизусть рассказывала, а эта сиротинка при живой матери двух слов связать не может.

Аня схватила мальчонку и прижала к себе.

– Мы с Фёдором оформим отношения и уедем с Кирюшей отсюда.

– Такие как он не женятся! – не унималась младшая сестра. – Ты думаешь, воду он просто так нам в квартиру провёл? Откупается от тебя! А ты, дура, не видишь!

– Потерпи немного, – добавила Аня то ли мужу, то ли сестре, то ли себе.

#

В квартире было невозможно оставаться. Чтобы не слышать оскорбления сестры, Аня решила подождать любимого на улице. Она опустила сына на пол и прошептала:

– Мама скоро придёт. Все будет хорошо.

#

Женщина посеменила, аккуратно переставляя ноги, чтобы не запутаться в галошах на пару размеров больше.

#

Выплеснув все негодование на сестру, Валентина взяла племянника на руки и сняла с холодильника букварь, по которому сама когда-то училась читать.

Когда все разошлись, муж Анны незаметно вытер слёзы и побежал вслед за ней.

Глава 3

– Ну сколько тебе говорила «Не лезь ты на эту горку!», вся куртка в краске! На кого ты похож?

Малыш громко сопел и растирал жёлтую краску на рукавах и животе.

Как знакомо. Вот поругалась, а теперь иди с ним Бородино учи. Или Василия Тёркина.

Из знакомых Кира никто не знал кем был этот Василий..

Но Валентина потратила на племянника много сил, времени и знаний.

Сил в прямом смысле слова. Лет в 10 он усилием воли заставил себя не отворачиваться, когда тётя Валя замахивалась на него.

Она коллекционировала его грамоты, похвальные листы и благодарственные письма, в тайне хвастаясь подругам.

Все его заслуги тетка приписывала себе, ведь она столько вложила в мальчика.

Несколько раз он уходил из дома, но потом сам же и возвращался. Худой, голодный и побитый. А это наследственность, тут тётушка была не при чём.

Лучше бы в секцию борьбы его тетка отдала, чем сочинения по 10 раз заставляла переписывать.

Учителя жалели, одноклассники недолюбливали, тётка делала из него человека.

Она говорила, что мать якобы нагуляла его от какого-то криминального авторитета. Хорошо, если бы это было правдой. Просто это так приятно бесить человека уже одним своим происхождением.

– С днём рож-де-нья! С днём рож-де-нья!

От неожиданности Кирилл вздрогнул и обернулся.

С громким смехом на щуплого парня в объёмном пуховике гурьбой повисли друзья.

Тот довольно улыбался и щедро раздавал спасибо, по очереди обнимая каждого.

Наверное, это очень здорово иметь много друзей.

На заработанные от расклейки объявлений деньги Кир купил бутылку пива и пачку сигарет. Паспорт не спрашивали.

Так странно всё. Человек собирается умереть, а он попробовал только 1 сорт самого дешёвого пива. А ведь он не видел Париж, не плавал с дельфинами и даже не занимался сексом.

Кирилл пересчитал в уме все свои сбережения.

Интересно, сколько стоит Хеннеси? Его же и пить нужно из специального стакана. В Инстаграм можно будет фотку выложить. На прощание.

От нескольких подряд выкуренных сигарет тошнило.

Надо продумать всё, но в таком состоянии трудно.

Кирилл посмотрел на окна своей квартиры. Из форточки пахнуло дымом крепких папирос. Затошнило сильнее.

Глава 4

– Как дела?

Рядом с сиреневым кустом остановился автомобиль.

– Ты где был? – не успев закрыть за собой дверь, Аня принялась хлестать Фёдора по лицу. – Месяц не приезжал. Другую нашёл?

– Перестань! Дела были. – Фёдор поймал руки девушки и поцеловал ладони.

Анька надула губы. Повисла пауза.

– Девочка моя, мне теперь нельзя жениться.

Аня нахмурилась и пристально посмотрела на жениха.

– Не могу говорить. Это наша воровская тема. Девочка, прости! Но мы можем иногда встречаться. Столько лет же просто встречались.

Давясь слезами, Анна хлопала ресницами и не верила ушам.

– Девочка, прости.. – повторил Фёдор и, как ни в чем не бывало, полез целоваться.

– Иногда встречаться?! – казалось, о её позоре узнала вся улица. – Иногда? Ну и сука ж ты, Феденька!

– Ты знала что это случится, я сразу тебя предупреждал.

Анька плюнула Фёдору в лицо. Тут же в ответ прилетела пощёчина.

Девушка выскочила из машины и рванула в подъезд. Почему он не идёт??

Зашуршал щебень под колёсами уезжающего автомобиля. Анька села на корточки, закрыла ладонью рот и заревела.

– Ничего ему не скажу. Сама рожу, сама воспитаю... – шептала Анна, успокаивая себя. Она достала сигарету и выйдя на улицу, спряталась под сиреневым кустом.

– Толик – местный алкоголик, возьмёшь меня в жены? – мимо проходил её сосед, который сох по ней с 9 класса. Говорили, что он нашёл себе кого-то, лишь бы не думать о ней.

Он остановился, оторвал с куста пятилистный цветок сирени и съел:

– Возьму.

Анька закатила глаза и затрясла головой:

– Господи, за придурка собралась, который почти в 30 лет сирень ест. – в окнах её кухни загорелся свет. – А как же моя Валька? Стремно как-то.

– Валька знает, что я тебя люблю. Ань... меня года через 3 на стажировку в Америку отправят. Жена может поехать со мной.

Анька затянулась и представила Брайтон Бич и открытки, которые будет слать оттуда Фёдору:

– Ок, пока поживём с моими. На Вальку не смотри. А хотя я и не ревную.

– Я у вас прописываться не буду. Пусть мама не переживает. – Толик нашёл ещё один пятилистник и положил на ладонь Ани.

– Ой, будто ей не из-за чего переживать. – Аня пересчитала. – Да, пять. – и выбросила его в кусты.

Глава 5

– Анют, помнишь, чтобы подработать, я написал диссертацию для одного сотрудника НИИ?

Толик приобнял Аню за талию и через плечо заглянул в кастрюлю. Аня помешала борщ и отложила ложку.

– Одна подработка за все время? Конечно, помню.

Толик взял ложку и тоже помешал борщ.

– Руководство узнало об этом. И его, и меня решили наказать.

Анна уставилась в газовую трубу, уходящую в стену, облицованную старым кафелем. Ну, теперь, видимо, точно придётся ремонт сделать.

– Я не поеду в Америку. Мы не поедem.

Аня снова взяла ложку, и, замахнувшись над его лбом, и то ли с жалостью, то ли с пренебрежением, прошептала:

– Да что ж ты за человек такой? Ни спи***ть, ни покараулить!

Толя кивнул.

В голове женщины все мысли улеглись по полкам. Стало так легко, хоть и Брайтон бич теперь им был заказан.

Аня выключила плиту:

– Я за хлебом. Искупаешь Кирюшу?

Муж снова кивнул.

Аня накинула на плечи пальто, вытащила из сумочки сигареты и ключи.

– А ключи?...

– Ну вдруг заболтаюсь с кем-нибудь по дороге. И чувствую себя не хорошо, подышу заодно. – Жена не дала задать вопрос полностью. – Купайтесь и ложитесь спать.

Анна не спеша вышла во двор, посмотрела на кухонное окно, послала мужу и сыну воздушный поцелуй и скрылась за углом.

За углом в своём автомобиле её ждал Фёдор.

Глава 6

Оказалось, чтобы уйти из жизни, люди создают целые группы и советуются, составляя план последнего дня.

Кирилл поморщился и выключил компьютер.

Люди все опошили и социализировали.

– У вас есть обычные лезвия для бритвенных станков?

– Кто-то такими ещё пользуется? – Киру казалось, что кассир прочла его мысли.

– Дед. Хорошо хоть не топором бреется, – парень криво улыбнулся, изображая хорошее настроение.

– А-аа, ну да, – протянула кассир, – старшее поколение с трудом привыкает к новому. Ты в хозяйственном через дорогу спроси.

Тетя Валя поехала поздравлять с юбилеем бывшую коллегу и обещала быть часам к 10. Времени ещё было много.

Кирилл налил Хеннесси в обычный стакан. Не такой уж и дорогой коньяк, если покупать его лишь однажды.

Он открыл картонную коробочку и достал из неё цветной конвертик. Внутри была волшебная бумага, которую тоже нужно было развернуть.

Ну целый ритуал с этим брадобрейским инструментом.

Школьник в последний раз осмотрел квартиру. Взгляд остановился на шкафе.

Он представил как тетя в чёрном крепдешиновом платье и платке из шторы будет сидеть и раскладывать перед соседями его грамоты, рассказывая что она сделала для каждой конкретной бумажки.

Сжечь.

Стоя на цыпочках, Кир вытащил тяжёлую коробку со своими наградами.

За коробкой потянулся свёрток темно – зеленого цвета: то ли куртка, то от дождевик. Из свёртка выпала пожелтевшая газета с броским заголовком:

«Криминальный авторитет Фёдор Володин был застрелен в жилом дворе на окраине города».

С фотографии на Кирилла смотрел он сам, только старше лет на 20.

Шрифт поменьше гласил о том, чем именно по слухам занимался авторитет, какая у него была недвижимость и чьим был преемником. Ещё ниже было написано, что погибли свидетели – семейная пара, которая случайно вышла во двор в момент расправы. Женщина была беременна.

Зачем он нашёл это именно сейчас?

Кирилл вспомнил, что в ванной его ждёт лезвие с таким причудливым узором в середине. Почему-то эта прорезь всегда ассоциировалась у него с лестничными балясинами. Ну опять всякая ерунда лезет в голову. А ведь уже почти 9.

Глава 7

Все слышали как в гостиной с антресоли что-то упало. Через минуту в кухню со сломанной соломиной зашёл встревоженный Володя.

– Зачем плащ свалил на Кирилла? Нам нельзя вмешиваться...

– Дед Мить, а как ты прописался в нашей квартире? – Володя спросил словно в комнате ничего не происходило.

– Так 100 раз рассказывал. – старик небрежно закачал головой. – И на этом свете вам прописка покоя не даёт! Я 20 лет на сахарном заводе работал до колхоза, и, чтобы мне пенсию оформить заводскую, бабка твоя мне прописку и сделала. А 29 июня я должен был выписаться, да война 22 началась. Так и осталась отметка с вашим адресом.

– Дед Мить, а скучаешь по своему дому? – тихонько спросила Ниночка, заранее зная ответ.

– Скучаю. И по печи скучаю, и завалинке, на которой ещё мой дед сидел. И по Марфе своей...

– Вот и сидел бы сейчас на завалинке, а не в нашей квартире на сквозняке под форточкой. – Володя улыбался, чувствуя себя хозяином положения. Про Марфу слушать он не хотел.

– И сидел бы! Можно подумать смотреть мне на вас приятно. Сколько людей на войне сгинули, сколько на земле неуспокоенных – одному Богу ведомо. Мы хоть защищали народ.

Дед Митя пытался пристыдить Аню и Володю:

– А потом люди с ума сошли – чтить семью перестали, детей бросать – последнее дело. Своих убивать стали ради наживы. Вы и на этом свете все чего-то боитесь, за мальчика боитесь понести. Ни при жизни ничего достойного не сделали, ни после смерти. Ждёте только, чтобы дверь ваша открылась, в рай хотите! А пальцем для этого не пошевелили!

– А если снаряды взорвутся? Что будет с нами? – вдруг Нина задала вопрос, которого все боялись.

Жильцы переглянулись.

– Когда-нибудь узнаем. Главное, чтобы пока дом стоял, ветхий совсем. Снесут дом – ничья дверь не откроется. Так и останемся здесь, между живыми и мертвыми. А пока шанс есть. – на правах старшего старик успокоил жильцов.

Родственники понимали за что дед их клеймит, но согласится было унижительно.

– Ну хоть умер ты в хорошую погоду, – Анна с усмешкой продемонстрировала обувь. – А то дымил бы под этим окошком в одной галоше.

Глава 8

– Дед Митя, так кто тебя проклял? Все ж погибли. – Володя не унимался.

– Ребята наши на высотке к тому моменту уже 2 дня отстреливались. Ни снарядов, ни патронов не осталось у них. Да и живых осталось несколько человек. Пошёл я к комдиву и вызвался ящик снарядов им оттащить. Погибну – так меня не жалко, старый уже. Я хоть и без ноги, но выносливый. Зной только спал, ветерок лёгкий – ни комары, ни слепни не кусают. А чтоб вы понимали, мой груз был важнее меня. Он мог спасти много ребят. А если и не спасти, то немцев перебить хоть сколько-то. – дед вытер слезу и продолжил. – Я уже почти добрался до блиндажа, когда враг заметил меня и начал прицельно огонь вести. Первая пуля насквозь через левое плечо прошла, я от страха даже не почувствовал. В любом случае помер бы я тогда, и лучше бы уж в поле.

На кухне стояла тишина, перебиваемая почти беззвучным рыданием бабушки.

Нина обняла старика и погладила дырочку на гимнастёрке, ту самую, от ранения.

– А дальше? – девочка рассматривала гимнастёрку солдата.

Дед Митя откашлялся и продолжил:

– А когда я сволок ящик в блиндаж, ровно в него и попал вражеский снаряд. Я собой его накрыть не успел. Взрыв такой был, что всех ребят положило... Своим же огнём..

Пехотинец выровнялся, вспомнив об осанке:

– А проклясть кто угодно мог. И Комдив, и ребятки, которые тогда ещё живые были и все это видели. И немцы могли.

В сотый раз прослушав эту историю, Анна напонила:

– Хорошо хоть Толика хватило ума сюда не прописывать, а то не поместились ты на кухне. А ведь Кирилл тоже прописан здесь. После смерти будет с нами делить эту кухню.

Об этом молчал каждый житель квартиры.

– Да вот тут ещё место есть. – дед махнул рукой в дверной проем. – Боком повернётся, когда Ниночка будет играть.

Девочка виновато посмотрела на своих родственников. Кажется, Владимир приходился ей племянником. В силу возраста она не разбиралась в родственных связях.

Что поделать, если сбила её машина в день, когда она шла в музыкальную школу со скрипкой в руках.

– Ну хорошо хоть, не с контрабасом. – всегда шутил Володя.

Дед Митя прикурил очередную папиросу и пошёл на балкон. К снарядам.

Глава 9

Володя не смотрел в глаза дочери. Ее курносый профиль и ямочка на подбородке точь-в-точь повторяли его собственные.

Все время после смерти он наблюдал как его дочь растёт и совершает ошибки. Но совершает сама! Кроме внешности общего у них не было. Она была дерзкой, хваткой и сильной.

Вдохнув остатки папиросного дыма, Володя выпалил:

– Бабка твоя смыслом жизни считала удачно меня женить. И женила! Быть зятем такого чиновника все мечтали. До мурашек помню как она стучала ногтем по бутылочке корвалола, приговаривая, что вот сейчас помрёт. Лишь бы я не перечил. Говорила: «Попомни мои слова, пройдет время и будешь все это вспоминать». И вот! Я и вспоминаю! А корвалол меня не спас, зачем его мать пила?

Аня молча смотрела на куст под окном, который её отец привёз из колхоза. Туда его на работу направил как раз-таки тесть. Там отец и встретил свою любовницу.

– Да-аа, столько натерпелся в должности зятя! – в уголках Аниных глаз выступили морщинки из-за злой ухмылки.

– Я себя проклинаяю, что ничего не сделал так, как хотел. В жизни успел только дочь родить и куст посадить. Гордиться нечем.

– Согласна, я – сомнительный повод для гордости. – Анна не могла скрыть досаду.

Всю жизнь она считала отца безвольным человеком, и вдруг поняла, что сама такая же. Шаркая галошами, Аня направилась в ванную.

Каждый житель квартиры давно понял, что чувства, мучившие человека при жизни, будут преследовать его и после смерти.

Как Анна могла донести до сына, что со смертью одиночество не закончится? Оно станет ещё острее.

Кирилл смотрел в пластиковые панели потолка и пил коньяк.

Он опьянел. Кровь разгонялась по венам вместе со страхом.

– Сынок, не надо. – стоя на коленях на мокром полу, Анна рыдала и целовала руку сына. Маленькую пухлую ручку с дырочками, на месте которых сейчас были сбитые костяшки. Её слёзы стекали на его пальцы.

Кирилл лежал почти в кипятке, но рука со стаканом замёрзла. Капли на стекле напоминали слёзы. Он взял лезвие.

– Мама, – прошептал Кирилл, – мамочка.. как же страшно..

Руки задрожали, коньяк пролился. В глазах потемнело.

Кирилл ударился головой о ванную. Колени и плечо заныли. Вынырнув, он снова ударился обо что-то и вдохнул пыль.

Глава 10

– Айза, умница, девочка. Где он? – казалось, что несколько мужчин говорили хором. В ответ проскулила собака и поскребла что-то лапой.

Зубы стучали в безумном ритме, голова болела. Кажется, его недавно вырвало.

Было жутко холодно. Холодно и мокро.

Пыль во рту смешалась с кровью. Не было сил выплюнуть эту жижу.

Кирилл хотел пошевелить ногой, но она не отозвалась. Тело не реагировало.

Где-то над его головой снова заскулила собака.

– Есть кто живой? – задал вопрос все тот же звучный мужской голос.

– Может, погиб? – мужчин было двое.

– Айза показала бы по-другому. Значит, жив.

Наверху началась какая-то возня, смешанная с собачьим поскуливанием, указаниями кинолога и матом начальника бригады МЧС.

Кирилл снова отключился.

На лицо посыпались куски битого кирпича, осколки кафельной плитки и грязь, которая мешала дышать.

– Нашли! – кому-то крикнул кинолог. – Живой!

Глаза не открывались из-за запекшейся на ресницах крови.

Собака радостно взвизгнула и начала чавкать. Сделала свою работу.

– говорить можешь?

Не мог. Ему казалось, что вокруг нет людей, только голоса.

От боли хотелось рыдать, но слезы не находили выхода. Он снова потерял сознание.

Оказывается, умирать не страшно. Страшно, если не умрешь.

– Как повезло парню. Вовремя помыться надумал. Спасла его ванна. Вот раньше вещи делали, балкой накрыло – даже не треснула.

– И видимо, в горячей воде лежал. Иначе замёрз бы давно. Вечера холодные..

Глава 11

– Сергей Иванович, ещё капельницу?

– Давай ещё.

Кирилл чувствовал как по венам полилась прохладная жидкость. Кто-то держал его за руку и целовал. Он с трудом открыл глаза. Рядом сидела тётя.

Её красные опухшие глаза смотрели в одну точку.

– Я жив? – Кирилл попытался взглянуть на свои руки, но не смог поднять голову.

– Жив, конечно, жив, – встрепенувшись как больной воробей, прошептала тетя. – Только чуть-чуть побудешь в больнице.

– А что случилось? – было страшно услышать, что тетя всё поняла и он позорно разоблачён.

– Потолочная балка тебе на голову упала. И как только не убила, – Валя прикрыла рукой губы, пугаясь собственных слов. – Представляешь, вначале в МЧС решили, что у нас снаряды какие-то рванули. Но огня не было. Выяснилось, что крыша подгнила. Дом – то совсем старый. После нашего несчастного случая его признали аварийным.

– Я не чувствую ног. – Кирилл ещё не понял насколько это страшно.

– Завтра проведём ещё одну операцию и будешь бегать лучше, чем раньше. – в поле зрения парня появился тот самый Сергей Иванович и, задрав парню веки большим пальцем, заглянул в глаза.

Кирилл хотел освободиться от тёткиных рук, но не хватило сил – так крепко держала.

– Когда я увидела скорую около нашего дома без крыши, сердце оборвалось. Молилась, чтобы тебя дома не было.

Кир впервые в жизни видел как его родственница плачет. Даже жалко её стало.

– Так это правда, что Володин – мой отец? – в голове мелькали беспорядочные события того вечера. – Ты не врала?

– Врала, Кирюшенька, врала! Прости дуру! – у тети Вали задрожали губы, она начала что-то искать в кармане белого халата, и Кирилл понял, что она врет. – Давай потом обо всем поговорим, тебе силы нужны.

Кирилл по привычке нахмурил брови. Мужчина на фото в газете так же хмурился. Столько всего предстоит выяснить, ведь он жив.

– Сегодня разберут крышу и я попробую выбрать уцелевшие вещи. Поживём пока на даче.

Кирилл представил сколько вопросов будет у тётки, если уцелела бутылка с алкоголем. И рядом валяется лезвие.

А вот и пусть найдёт! И они наконец-то поговорят!

Он всё обсудит с ней, ей придётся всё выслушать. Так легко стало от этой мысли.

– Кроссовки мои новые найди в коридоре.

– Кроссовки? – Валя стерла со лба испарину. – Я посмотрю что нам уцелело.. береги силы.

Глава 12

Дед Митя как обычно сидел у окна с открытой форточкой.

Немного напуганная Анна вошла в кухню.

– Дом снесут через месяц.

Все кивнули. Несколько дней в доме работала комиссия.

– Дверь открыта.. – Ане было стыдно стыдно сказать об этом, когда дом ждал такие события.

– Хорошо-о, – протянул дед Митя, поглубже выдохнул и закрыл форточку.

Женщина посмотрела на форточку, а потом на небо. Раньше там был потолок.

– Ну теперь мы хоть знаем, что твои снаряды нам не угрожали. – женщина осмотрела разрушенную квартиру.

– Жаль, что ты не сможешь рассказать что за дверью. – старик перевёл разговор. – А ведь интересно что ТАМ.

– Видимо, Кирилл что-то понял и перестал тебя винить во всем. – Володя поддержал, тоже не хотел говорить о квартире. – Валька же его всю жизнь берегла как мать. Даже больше матери.

Отец не упрекал дочь, он просто признал заслуги Валентины. Аня кивнула, молча обняла деда Митю, Ниночку и подошла к отцу:

– Мы не знаем что нас ждёт дальше, – Аня поправила галошу. – Я тебя прощаю. Прости, что не сделала этого раньше.

Она обняла отца и вышла в коридор.

– Не проверишь дверь? – Дед подмигнул Володе. Казалось, что за минуту он постарел.

Из кармана брюк Володя вытащил коробочку с лезвиями, одно из которых было бережно завернуто в родную упаковку, и выбросил в мусорное ведро.

– Пусть Кирилл сам решит что рассказывать, а что оставить в тайне. Надо ему брать на себя ответственность, а не надеяться на волю случая.

Володя захлебнул струю воды из-под крана и пошёл в коридор. Дверь хлопнула.

– Я бы хотел, чтобы ты была моей внучкой. Девочка такая смышлёная. Я б так и называл тебя – внуученька.

Нина залезла на уцелевшее колено и положила голову деду на грудь.

Шершавыми руками дед Митя погладил девочку по голове.

Мозолями и глубокими трещинами на ладонях из туго заплетенных косичек он вытащил несколько прядей волос.

Нина взяла коробку с печеньем и рассыпала его. Дед улыбнулся.

Было около семи вечера, собирался дождь.

Ниночка по обыкновению пошла за скрипкой.

У них ещё был месяц.

Эпилог

– Нет, сидеть с ручкой, типа вы документы подписываете – это вообще не модно. – журналистка была расстроена.

Фотограф отправился расставлять свет на других локациях.

– Вы смотрите на стройке. – оценивающий взгляд снова скользнул по директору корпорации. – Скажите, как вышло, что потомок гуманитариев закончил физмат? – чтобы оживить интервью, Жанна пыталась перейти на личные темы.

– Ломаю стереотипы, – бородач копался в документах, не поддаваясь на провокации.

Девушка пробежала взглядом по предметам на рабочем столе и взяла в руки фотографию. Оттуда на неё смотрели сам директор, его жена с ребёнком, тётя и старенькая бабушка.

– Это же мать Фёдора Володина! – Жанна не ожидала увидеть этих людей на одном снимке

– Не может быть, – Кирилл поднял брови, подыгрывая журналистке.

– Откуда вы знакомы?

– Скучная история, времени вашего не стоит, – Кир постучал пальцем по наручным часам.

Время действительно, подходило к концу, а интервью вышло сухим и обезличенным. Исключительно для статьи о строительном бизнесе.

– А зачем вам лезвия? Я таких сто лет не видела.

– Карандаши точку. Вы уже забыли, что я физмат закончил? – Кирилл поставил фото на место.

В офис вернулся парень с фотокамерой.

Из приёмной заглянули заместитель и главный инженер.

Кирилл кивнул.

– Пора заканчивать, Жанна.

– Последний вопрос. Как вы относитесь к тому, что дом, где вы родились, снесут? Вас постигла такая трагедия...

Кирилл удивился – он не знал о сносе.

– Очень смешно, дом хотели снести через месяц после обрушения, но он стоит по сей день. – И вообще, новое должно приходиться на место старому. – мужчина сохранял безразличие.

Кирилл сказал, что до конца дня в офисе не появится.

Он заехал в хозяйственный магазин, купил лопату, мешок и перчатки.

Старый дом выглядел совсем неприветливо. Вокруг развалин было много мусора.

Кирилл полез в заросли репейника под окном своей кухни. На первом же шаге он чуть не упал на щебень и колотые кирпичи. Расстелившийся по вязкой осенней земле, плющ цеплялся за дорогостоящие протезы и затруднял работу. Работать лопатой Кир мог только с помощью рук.

Через час мешок стоял в багажнике.

– Я помню как мама не хотела жить после моей смерти. Она так плакала! – Нина всхлинула и потёрла глаза кулаками. – Мне очень стыдно.

– За что стыдно, внуча? – старый солдат не знал как поддержать ребёнка.

– Я не посмотрела на дорогу. А мама всегда говорила смотреть. Она тогда так злилась...

По щекам девочки катились огромные как слёзы.

– Ты обычный ребёнок. – дедушка поправил девочке воротничок. – Ты не виновата, ты просто заигралась и не заметила как выбежала на дорогу.

У деда Мити затряслись руки – слишком много он видел смертей.

– Мама злилась на себя. Что она не смогла уберечь свою доченьку, – дед обнял девочку и поправил ленты в волосах. – Скоро совсем растреплю твою прическу.

– Так её же не было со мной, как она могла уберечь меня?

– Вот поэтому и злилась, что не была с тобой.

Ниночка высморкалась в платок с самодельным кружевом и спрятала его в рукав.

– Я правда не виновата? – в вопросе было столько надежды, что старик согласился бы забрать себе её боль и пережить ещё одну смерть.

В коридоре скрипнула дверь.

– Иди, иди, внученька! – дед подтолкнул Нину в спину.

Нина поцеловала его и, вначале нерешительно, а потом почти бегом, направилась в коридор.

Дверь хлопнула.

Коробка с печеньем стояла на столе. Теперь по вечерам её некому рассыпать.

Из старинного портсигара, который достался от отца, пожилой мужчина достал папиросу и закурил.

Прозрачные от старости глаза деда Мити смотрели на копающегося под окном Кирилла.

Он вспомнил о своей потерянной ноге, как лежал в госпитале и как старался помогать бойцам, не смотря на увечье.

А, может, и правда? Он просто выполнял приказ?

– Надо подумать об этом. Теперь времени совсем мало.

Через дачный забор уже около часа с Кириллом болтал сосед:

– Что с тобой не случается – встаёшь, просишь прощения и идёшь дальше. Я так не могу. Постоянно что-то гложет.

– А зачем ты факультет философии заканчивал, Петр Иваныч? – Кир уважал соседа, но и подтрунивать любил.

– Сирень пересаживают летом. А сейчас октябрь. – Петр Иванович сделал вид, что не услышал вопрос.

Кирилл тоже сделал вид, что не услышал замечание, подлил воды в лунку и обратился к кусту,

– Ну ты это, прости, если что.

Есауленко Анастасия
«Три кармашка для Вовушки»

Синопсис.

Вовушка Баранкин – обычный подросток. Играет в футбол и лапту, увлечён Формулой 3 (международные гонки на тройках лошадей), самостоятельно изучает психологию. В будни папа возит его в школу на карете, а по выходным – бабушка в загородный особняк на ракете.

Вовушка живет в странном мире, где смешались люди, кони, кроссы, лапти и нано-крепостные, однако всё необычное воспринимается жителями, как норма.

Однажды мальчик слышит непонятный звук в голове. Тик-так. Тик-так. Странные картинки и неизвестные слова как будто из чего-то очень далёкого возникают перед его внутренним взором. Родные и учителя не могут объяснить, что это такое. Вовушка обращается за помощью к эскулапу, закрепленному за семейством Баранкиных Фондом Социальной Перестраховки.

В какие дали отправится мальчик, почему надо спасти семью, и что за «кармашки» ему уготованы судьбой – всё это вы сможете узнать позже. А пока запомните главное слово – ВРЕМЯ...

Пролог

Вовушка посмотрел на отражение. Вроде ничего такой, симпатичный. Бока только эти. И щёки пухлые. Ими Алиску вряд ли заинтересуешь.

Алиска – это их новенькая. Белокурая, длинноволосая. Стройная. Говорит, гимнастическим сумо занимается. А главное, общительная и хохотунья – всего неделю в школе, а уже душа компании.

Конечно, все мальчишки из класса сразу на неё запали. Увиваются рядом, спорят, кто ей ноут до дома донесёт. Дарят лайки да виртуальные цветочки. А у Вовушки с такими боками и шансов-то ноль.

Нет, конечно, можно ей объяснить, что полнота – это механизм психологической защиты от травмирующей реальности. Только вот первая проблема – как объяснить, если она его не замечает? А вторая – он пока еще и сам не знает, что там за реальность его травмирует.

«Значит, будем брать умом!» – приободрил себя Вовушка и отправился на кухню: оттуда давно манил аромат бабулиных вкусностей.

– Кушай, внучок, кушай. Ты вона какой худющий. Одни кости да кожа. – ласково мурлыкала Элеонора Пафнугиевна, подкладывая свои фирменные ravioli. – Я таки старалась, душеньку вкладывала в ravioluшки. Шоб внучика порадовать. А ты не кушаешь совсема. Штучек тридцать срубал, не больше.

Мальчик хотел было провести бабуле психологический ликбез о вреде манипулирования, но вспомнил, что делал это раз двадцать. Толку-то?

«Тик-так», услышал Вовушка, поднося очередной фирменный к губам. Звук был до того странный, что он так и замер с открытым ртом.

«Тик-так».

Вовка прислушался. И не поверил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.